

НЕКРАСОВ И БЕЛИНСКИЙ

Некрасова, как поэта "протестующих разночинцев" (выражение Г. В. Плеханова из его классической статьи о Некрасове), создали, конечно, социальная среда и эпоха, в которую развивалось его поэтическое творчество. Проводникам же влияний среды и эпохи на Некрасова, притом проводником, отражавшим психо-идеологию наиболее передовой части современного общества, суждено было в значительной степени стать В. Г. Белинскому. Вот почему вопрос об отношениях Некрасова и Белинского является не только вопросом биографического (порядка, но и вопросом, изучение которого проясняет Генезис целого ряда мотивов поэзии Некрасова.

Отношениям Некрасова и Белинского, если брать их не в узко биографических рамках, возможно было бы при желании посвятить целую монографию. Наша задача несравненно скромнее. Мы имеем в виду в настоящей работе остановиться лишь на некоторых сторонах этих отношений.

Прежде всего, мы хотели бы дать сводку критическим высказываниям Белинского о произведениях Некрасова и в связи с этим высказать, что мог дать и, на самом деле, дал Некрасову Белинский, как литературный критик, как представитель определенной общественной идеологии.

Далее, мы предполагаем осветить один из вопросов биографических, а именно, в какой мере повинен Некрасов в неоднократно предъявлявшихся ему обвинениях если не в прямой эксплуатации Белинского, то, во всяком случае, в существенном нарушении его материальных интересов.

Наконец, мы намереваемся остановиться на вопросе о том, как отразился образ Белинского в некоторых стихотворениях Некрасова, в частности в поэме "Несчастные".

I

Литературный дебют Некрасова, его сборничек "Мечты и звуки", который, в значительной части, составили стихотворения, написанные еще в ярославских палестинах, свидетельствовал о том, что юный поэт находился всецело под властью (поэтических штампов, создавшихся в ту эпоху, когда безраздельно господствовала изысканная, утонченная, органически связанная с барской культурой поэзия высоких языка и стиля, нашедшая высшее свое выражение в творчестве Пушкина. В "Мечтах и звуках" Некрасов пытался писать под Жуковского, под Пушкина, под Лермонтова, иногда под таких поэтов, как Бенедиктов и Подолинский. Выходило у него это "писание под..." довольно-таки плоховато, но если даже допустить, что в конце концов он в совершенстве овладел бы поэтическими штампами господствовавшего поэтического направления, то к чему бы это привело? Не более, разумеется, как к эпигонству, а эпигонство - жалкая участь для сколько-нибудь даровитого поэта. Вот почему представлялось весьма важным хотя бы резким словом отвлечь Некрасова от пути, который ничего хорошего не сулил ему в будущем. Это резкое, беспощадно резкое слово было произнесено по адресу Некрасова Белинским, тогда еще совершенно не знавшим его лично. В своей рецензии, напечатанной в "Отечественных Записках" (1840 г., т. IX, No 3), Белинский писал: "прочешь целую книгу стихов, встречать в них все знакомые и истертые чувствованьица, общие места, гладкие стишки и много, много, если Наткнуться иногда на стих, вышедший из души в куче рифмованных строчек, - воля ваша, это чтение или лучше сказать работа для рецензентов, а не для публики, для которой довольно прочесть о них в журнале известие вроде "выехал в Ростов". Посредственность в стихах нестерпима. Вот мысли, на которые навели нас "Мечты и звуки" г. Н. Н..." Таким образом, рецензия Белинского самым решительным образом отказывала Некрасову в даровании до того, преимущественно, основании, что он не далеко ушел от поэтов, "наклепывающих" на себя чужие "ощущения, мысли и чувства", что в его стихах преобладают "все знакомые и истертые чувствованьица", "общие места" и т. д., иными словами, употребляя нынешнюю терминологию, "а том основании, что Некрасов пользуется готовыми штампами старой литературной школы. Известно, как велик; был авторитет Белинского среди литературной молодежи того времени. А потому не трудно себе представить, какое впечатление его уничтожающий отзыв должен был произвести на

юного Некрасова. Едва ли преувеличены рассказы о том, что Некрасов, под влиянием этого отзыва, ходил по магазинам и, на последние деньги скупая розданные на комиссию экземпляры своего сборничка, беспощадно уничтожал их. С этих пор он почти перестал писать стихи в духе напечатанных в "Мечтах и звуках" и, по его собственному признанию, начал "писать эгоистически", т. е. ради заработка, столь необходимого ему при его вопиющей бедности. В предыдущей статье указывалось, что, работая у Кони, он стал культивировать всевозможные литературные жанры, причем отдавал предпочтение тем, которые сулили наиболее верный заработок, т. е., с одной стороны, театральным, с другой, журнальным жанрам. В то же время Некрасову сплошь да рядом приходилось опускаться и до обслуживания невежественных и алчных книгопродавцев, сочиняя по их заказу псевдо-народные сказки, вроде напечатанной в 1840 г. Поляковым "Бабы-Яги, костяной ноги" или же оставшейся до 1927 г. в рукописи "Сказки о царевне Ясноцвете" [Впервые напечатаны в изд. "Стихотворения Некрасова" 1927 года с копии, предоставленной редакции этого издания нами.].

Нет никакого сомнения, что литературная продукция Некрасова этих лет, т. е. самого начала 40-х гг., составила известную подготовительную стадию в его творчестве, но, с другой стороны, не менее несомненно, что огромное большинство некрасовских вещей данного периода и слабо в художественном отношении и лишено сколько-нибудь определенной идеологической установки. Вот почему они не могли заинтересовать Белинского. Если ему и приходится изредка упоминать о них, то эти упоминания ограничиваются буквально двумя-тремя фразами. Быть может, делал это потому, что хвалить его как писателя не хотел, а от неблагоприятных отзывов о нем воздерживался, зная его бедность. Разумеется, так объяснять молчание Белинского о Некрасове в эти годы можно только предположительно {Это объяснение выдвигает, между прочим, и С. Ашевский, автор ценной статьи ("Некрасов и Белинский" ("Соврем. Мир" 1908 г., No 2).}, не сомневаться в том, что Некрасов, примерно, с 1841--42 гг., уже попал в поле зрения Белинского не только как писатель, но и как человек - не (приходится: не забудем, что с 1841 г. Некрасов становится сотрудником "Отечественных Записок" {Первым произведением Некрасова, напечатанным в этом журнале, был, повидимому, рассказ "Опытная женщина" ("Отеч. Зап." 1841 г., No 10).} - издания, в котором только и работал Белинский.

Допустить, что Белинский ничего не знал о Некрасове, конечно, никоим образом невозможно: личное же знакомство между ними, по всей вероятности, завязалось несколько позднее, в исходе 1842 г. или же в самом начале 1843 г. Первое упоминание о Некрасове, как о знакомом, содержится в письме Белинского к В. П. Боткину от 31 марта - 3 апреля 1843 г., причем по своему содержанию это упоминание таково, ("замышляю подняться на аферы. Некрасов на это - золотой человек. Думаем смастерить популярную мифологию"), что дает основание думать, что знакомство Белинского с Некрасовым перешло уже в такую стадию, при которой возможно ведение общего дела, притом дела, требующего не только совместных занятий, но и взаимного доверия. Ровно через две недели, в письме к тому же адресату (от 17 апреля) Белинский сообщает об обещании Некрасова раздобыть для него денег, которые дали бы ему возможность уехать на время из Петербурга и отдохнуть от изнурительной работы по журналу. К имени Некрасова Белинский присоединяет здесь эпитет "добрый".

Итак, весной 1843 г. Белинский и Некрасов уже "добрые" знакомые. Здесь уместно будет остановиться на вопросе, при каких обстоятельствах состоялось их знакомство. Известный рассказ А. Я. Панаевой о том, как Некрасов, познакомившийся в 1842 г. с Белинским, на просмотр которому он принес свой очерк "Петербургские углы", был введен им в дом Панаевых, ж сожалению, не может быть признан вполне достоверным хотя бы уже потому, что "Петербургские углы" - одно из сравнительно поздних прозаических произведений Некрасова {напечатано в 1845 г. на страницах альманаха "Физиология Петербурга" ч. II), написанное, надо думать, уже после того, как состоялось знакомство его автора с Белинским. Однако все же рассказ Панаевой имеет за собой известную фактическую основу. Его в общем можно было бы принять с оговоркой, что Панаева ошиблась в названии произведения Некрасова. Вполне допустимо предположение, что Некрасов, действительно, познакомился с Белинским, принеся ему на просмотр одну из своих вещей. С. Ашевский предполагает, что такой вещью мог быть рассказ "Опытная женщина", появившийся на страницах "Отеч. Зап." осенью 1842 г. Однако этот рассказ никоим образом не мог возбудить по прочтении тех разговоров и споров, которые, если верить Панаевой, возникли после прочтения упоминаемого ею рассказа.

Несколько иную версию о том, как познакомились Белинский и Некрасов, выдвигают воспоминания Ив. Ив. Панаева, мужа Авдотьи Яковлевны. "В начале 40-х гг., - читаем здесь, - к числу сотрудников "Отеч. Зап." присоединился Некрасов; некоторые его рецензии обратили на него внимание Белинского, и он познакомился с ним. До этого Некрасов имел (прямые сношения с Краевским..." Эта версия находит подтверждение в одном выражении автобиографических заметок, которые Некрасов стал было диктовать в дни своей предсмертной болезни, но бросил, не закончив. Вот это выражение: "До меня стали доходить слухи, что Белинский обращает внимание на некоторые мои статьи" (под "статьями" здесь понимаются именно рецензии). Не трудно заметить, что версия Панаева не стоит в безусловном противоречии с рассказом его жены. Может быть Некрасов потому-то именно и понес на "просмотр Белинскому свой рассказ, что знал об интересе Белинского к его "статьям" {В статье Горленко сближение Некрасова с Белинским, на основании указаний Ф. А. Кони, отнесено к 1843 г. "Ближайший довод к нему, говорит Горленко, подали некоторые рецензии Некрасова, которыми заинтересовался Белинский... Некрасов, увлеченный статьями Белинского, еще раньше искал этого знакомства. Вероятно только обилие срочной работы помешало критику и поэту столкнуться раньше... В автобиографии Некрасова ("Новый Мир", 1925 г., No 1), в свою очередь, содержится указание, что "отзывы Некрасова о книгах обратили внимание Белинского".}.

Как бы то ни было, можно считать установленным, что знакомство Белинского и Некрасова возникло на литературной почве. Характерно, что как раз около этого времени Белинский, целых два года молчавший о Некрасове как о писателе, заговорил о нем в связи с выходом в свет сборничков "Статьки в стихах без картинок" (см. "Отеч. Зап.", NoNo 3 и 7). И заговорил в тонах более или менее сочувственных. Правда, отзыв о первом выпуске "Статеек" критик начал с несколько двухсмысленной похвалы по адресу автора зато, что "он не выставил на книге своего имени". Стоит ли пускаться под своим {именем, - такова мысль Белинского, - "водевильную болтовню о том, о сем, а больше ни о чем, хотя бы эта "болтовня" и понравилась той многочисленной публике, которая посещает "Александрийский театр" в подтверждение критик цитировал VII главку некрасовского "Говоруна", содержащую юмористическое описание современной литературы). Однако в дальнейшем Белинский признавал, что в "Говоруне" есть "места, даже слишком высокие для публики этого рода", и приводил начало этого стихотворения (две главки, I и II, заключающие в себе 60 стихов), в котором изображается перерождение пылкого романтика в низкопоклонного и корыстолюбивого чиновника-обывателя - тема, впоследствии использованная Гончаровым в "Обыкновенной истории". "В этих шуточных стихах, - писал Белинский, - история жизни многих людей... Как жаль, что автор не наполнил всей книжки своей такими стихами"... Второй отзыв о "Статейках" не вносит ничего нового по сравнению с первым.

Основываясь на этих отзывах, было бы рискованно утверждать, что в отношении Белинского к Некрасову, как писателю, совершился коренной перелом, что он стал считать его крупной литературной величиной. Однако они во всяком случае свидетельствуют, что Некрасов попал в орбиту сочувственного внимания Белинского, и, последний уже стал возлагать на него какие-то надежды. Белинский смысл рецензии Белинского о "Мечтах и звуках" сводился, строго говоря, к такому совету автору: "Бросьте писать стихи, ибо посредственность в стихах нестерпима", то цитированное только что выражение из отзыва о "Статейках": "как жаль, что автор не наполнил всей книжки своей такими стихами", в сущности, содержало в себе признание, что Некрасов может писать хорошие стихи, и пожелание, чтобы он писал их.

В полном смысле этого слова переломными, позволяющими говорить, что Белинский уже стал видеть в Некрасове одного из лучших представителей современной литературы, являются его суждения о нем в рецензиях о первой и второй части "Физиологии Петербурга" ("Отеч. Зап." т. 40, No 3 и т. д., 41, No 8). Здесь речь идет о рассказе Некрасова "Петербургские углы" и стихотворении "Чиновник". Утверждая, что рассказ этот - "живая картина особого мира жизни... картина, проникнутая мыслью", Белинский, стесненный цензурными рамками, только намекнул на то, что это за "мысль". В опровержение суждения некоторых газетных критиков, что рассказ "плох, исполнен сальностей и дурного тона", Белинский писал: "никакой истинный аристократ не презирает в искусстве, в литературе, изображении людей низших сословий и вообще так называемой низкой (породы... нечего и говорить о том, что люди низших сословий прежде всего - люди же, а не животные, наши, братья по природе и во Христе, - и презрение к ним,

изъявляемое печатно, очень неуместно". Заключительный же вывод великого критика гласил: "Петербургские углы" могли бы украсить собой любое издание". В этом более чем благоприятном отзыве Белинского не может ее поражать его краткость. Едва ли можно сомневаться в том, что она, в значительной степени, является вынужденной. Известно, что рассказ "Петербургские углы" в апреле 1844 г. был запрещен цензурой (журнал СПб цензурного комитета) {Указание на это имеется в "Летописи жизни Белинского" под ред. Пиксанова, ГИЗ, 1924, на стр. 188.} и высвободить его из-под цензурного запрета стоило, надо думать, не малых трудов. Во всяком случае, учитывая то обстоятельство, что в свой отзыв Белинский ввел цитату *т* "Петербургских углов" в целых 14 страниц (278--291 стр.), нельзя не (прийти к заключению, что ему хотелось дер"влечь максимальное внимание читателей к столь понравившемуся ему рассказу, о котором, увы! высказаться подробно он не решался под давлением "независящих обстоятельств".

Оказанное необходимо иметь в виду и в отношении отзыва Белинского о "Чиновнике". Его составляют краткие, но очень решительные похвалы ("одно из тех в высшей степени удачных произведений, в которых мысль, поражающая своей верностью и дельностью, является в совершенно соответствующей ей форме, так что никакой самый предприимчивый критик не зацепится ни за одну черту, которую он мог бы похулить"; "эта пьеса - одно из лучших произведений русской литературы 1845 г.") и огромная выписка в 60 стихов.

В статье "Русская литература" в 1845 г. Белинский повторил свои похвалы рассказу ""Петербургские углы" и стих. "Чиновник"; здесь же он назвал "счастливыми вдохновениями таланта" стих. "Современная ода" и "Старушке", незадолго перед тем помещенные в "Отеч. Зап." (т. 39 и 42).

Отзыв о стихотворениях Некрасова, помещенных в "Петербургском сборнике" ("В дороге", "Пьяница", "Отрадно видеть" и "Колыбельная песня"), написан по такому же методу, как и отзывы об "Углах" и "Чиновнике". Заявив, что из немногих мелких стихотворений, помещенных в "Сборнике", "самые интересные принадлежат перу издателя г. Некрасова", Белинский ограничивается о них лишь следующими словами: "они проникнуты мыслью; это - не стихи к деде и луне; в них много умного, дельного и современного. Вот лучшее из них "В дороге". Далее цитируется это последнее стихотворение целиком ("Отеч. Зап." т. 45). Необходимым комментарием к этому отзыву является тот факт, что в феврале 1846 г., т. е. ранее, чем была напечатана статья Белинского, III отделение возбудило вопрос о том, как могли стихотворение столь "предосудительного содержания", как "Колыбельная песня", появиться на страницах "Петербургского сборника", т. е. иными словами, каким образом цензура "могла пропустить его. в печать. В результате министр народного просвещения гр. С. С. Уваров, даже не потрудившись войти в расследование дела, объявил выговор цензору, пропустившему стихотворение, а так как ;из дальнейшего выяснилось, что его пропустил сам председатель цензурного комитета, он же и попечитель петербургского учебного округа, гр. Мусин-Пушкин, то выговор пал на него... Обо всем этом и автор стихотворения и Белинский были, надо думать, хорошо осведомлены через знакомых цензоров, например, через сотрудника того же "Петербургского сборника" А. В. Никитенко, а потому Белинский волей-неволей должен был свои отзывы о стихотворениях Некрасова свести к нескольким словам, а о том из них, которое вызывало наибольшую сенсацию, т. е. о "Колыбельной песне, ее обмолвиться ни звуком. Однако, когда Белинский не чувствовал над собой Дамоклова меча цензуры, он давал волю своему восхищению стихами Некрасова. Общеизвестен рассказ И. И. Панаева о том, как бурно реагировал Белинский на стих. "В дороге", прочтенное ему Некрасовым ("у него засверкали глаза, он бросился к Некрасову, обнял его и сказал чуть не со слезами в глазах: "Да знаете ли "вы, что вы поэт, и поэт истинный!"); стихотворение же "Родина", то словам того же мемуариста, "привело его в совершенный восторг", "он выучил его наизусть и послал в Москву к своим приятелям". Мало того, по словам автобиографии Некрасова ("Новый мир" 1925 г., № 1), в этом стихотворении Белинскому понравились "задатки отрицания и вообще зарождение слов и мыслей, которые получили развитие в дальнейших стихах Некрасова", и Белинский всячески "убеждал его продолжать".

В полном соответствии с тем, что было сказано об отношении Белинского к стихотворениям Некрасова этих лет, т. е. в 1845--47 гг., находятся многочисленные отзывы о них в письмах Белинского к друзьям. Так в письме к Герцену от 2 января 1846 г. Белинский

хвалит "юмористическую статью в стихах "Семейство", вероятно, разумея под ней стих. "Секрет" (Некрасов "на эти вещи собаку съел"), в письме от 19 февраля 1846 г. стихотворение "В дороге" названо "превосходным". Здесь же Белинский сообщает, что Некрасов "написал еще несколько таких же и напишет их еще больше". Ровно через год, в письме к Тургеневу (от 19 февраля 1847 г.), Белинский говорит о новом стихотворении, очевидно о стихотворении "Нравственный человек", как о "страшно хорошем", заканчивая свой отзыв известными словами: "что за талант у этого человека. И что за топор его талант!" Наконец, в письме Белинского к Кавелину (от 7 декабря 1847 г.) содержатся такие строки: "Я нисколько не ослеплен объемом моего таланта, ибо знаю, что это не бог знает что. Вот, наприм., Некрасов - это талант, да еще какой!.. Его теперешние стихотворения тем выше, что он, при своем замечательном таланте, внес в них и мысль сознательную, и лучшую часть самого себя".

Какие стихотворения разумеет Белинский под "теперешними стихотворениями"? Кроме тех, на которые уже делались ссылки в предыдущем изложении, сюда могли относиться, примерно, следующие стихотворения, написанные в 1845--47 гг.: "Когда из мрака заблуждения" ("Отеч. Зап.", т. XLIII, No 3), "Огородник" (там же), "Женщина, каких много", "И скучно, и грустно, и некого в карты надуть" (пародия на Лермонтова), "Он у нас осьмое чудо" (эпиграмма на Булгарина {Хотя Н. Лернер в своей рецензии на 3 изд. "Полн. собр. стих." Некрасова 1928 г. ("Звезда" 1929 г., No 1, стр. 199--200) и пытается доказать, что эта эпиграмма принадлежит А. И. Кронебергу, его довода не представляются нам в достаточной мере убедительными.}); "Перед дождем" (эти стихотворения напечатаны в сборнике "Первое апреля", 1846 г.; о них упоминает, а два из них даже выписывает полностью Белинский в своей рецензии об этом сборнике ("Отеч. Зап." 1846, No 4), "Так служба" (это стихотворение Некрасову удалось провести в печать только в 1856 г.), "Тройка" ("Современник" 1847 г., No 1), "Псовая охота" (там же, No 2), "Еду ли ночью по улице темной" (там же, No 9).

Наш перечень далеко не полон; мы включили в него лишь наиболее значительные произведения. Тем не менее он дает достаточные основания для вывода, что, во-первых, Белинский был знаком как раз с теми стихотворениями Некрасова, которые наиболее характерны для его творчества второй половины 40-х гг. и что, во-вторых, эти стихотворения встречены были им в высшей степени доброжелательно. Если бы возник вопрос, почему за последние два года своей жизни он не дал о них печатных отзывов, то дать вполне удовлетворительный ответ на него не представляется сколько-нибудь затруднительным. Некрасов был редактором-издателем того журнала, в котором Белинский с 1847 г. вел критико-библиографический отдел. Естественно при таких условиях, что "Современник" не мог, не нарушая литературных приличий, помещать на своих страницах каких-либо отзывов о произведениях Некрасова; в других же изданиях Белинский в эти годы не участвовал. В обзоре русской литературы за 1846 г. ("Современник" 1847 г., No 1) Белинский, признавая лучшими за этот год стихотворения Майкова, Тургенева и Некрасова, добавляет: "о стихотворениях последнего мы могли бы сказать более, если бы этому решительно не препятствовали его отношения к "Современнику".

Итак, какие же мотивы в творчестве Некрасова были одобрены Белинским?

Изображение в сочувственных тонах людей "низкой породы" как из мира городской бедноты ("Петербургские углы", "Пьяница", "Еду ли ночью по улице темной"), так и из мира крепостных крестьян ("В дороге", "Огородник", "Тройка"), резкие сатирические выпады против правящих социальных групп: дворянства ("Женщина, каких много", "Нравственный человек", "Псовая охота"), чиновничества ("Чиновник", "Колыбельная песня"), буржуазии ("Современная ода", "Секрет"), а также против (продажной журналистики ("Он у нас осьмое чудо"), открытое отречение от своего класса, как класса рабовладельческого, "как класса, объединившего насильников и эксплуататоров ("Родина"). Если считать, что в стихотворении "В дороге", "Огородник" и "Тройка" в зачаточном виде содержатся народнические настроения, то необходимо признать, что и они были одобрены Белинским. Одним словом, Белинский ценил в идеологии Некрасова как раз те стороны ее, которые характерны для идеологии разночинцев-демократов, в 40-е и 50-е гг. только еще пробивавшихся на поприще литературной деятельности, но в 60-х и 70-х гг. захвативших на этом поприще командные высоты. Нет надобности доказывать, что именно разночинцам русская литература обязана тем, что "физиология" больших городов, низины городской жизни, с их жалкими обитателями люмпен-

пролетарского типа, сделались объектом литературного воспроизведения; что именно разночинцы, войдя в литературу, напитали ее духом протеста в отношении как господствующих классов, так и вообще устоев тогдашнего социально-экономического строя, основанного на угнетении и эксплуатации государством и подпиравшими его социальными группами широких масс прудящегося населения; наконец, народническая струя в литературе также в значительной степени является результатом проникновения в литературу все тех же разночинцев, сумевших сделать эту струю и широкой и глубокой.

II

Белинский в своих отзывах о Некрасове точно предвидел, что последнему суждено будет стать во главе разночинного фланга русской художественной литературы. В 40-е годы, когда и либеральные представители помещичьей интеллигенции и немногочисленные интеллигенты-разночинцы единым фронтом боролись против полицейско-самодержавного строя, позиция Некрасова в том "именно виде, в каком мы ее обрисовали, была еще не совсем ясна, но со второй половины 50-х гг., когда под влиянием необходимости в разрешении целого ряда практических задач единый фронт распался, и, в процессе все нарастающей дифференциации, либеральные "отцы" и радикальные "дети" оказались "на различных сторонах баррикады", позиция Некрасова уже не возбуждала никаких сомнений, навлекая на него яркую ненависть "отцов" и не менее пламенную симпатию "детей". Впервые же Некрасов стал на эту позицию при активной поддержке Белинского.

В воспоминаниях Панаевой сохранились отголоски тех споров, которые вел Белинский со своими друзьями и по поводу произведений Некрасова, в частности по поводу рассказа "Петербургские углы". Боткин не одобрил этого рассказа. "Он развивал мысль, - читаем у Панаевой, - что такую реальность в литературе нельзя допускать, что она зловредна, что обязанность литературы - развивать в читателях эстетический вкус" и т. п.

"Здоров будет организм ребенка, если его питать одними сладостями! - возражал Белинский. - Наше общество еще находится в детстве, и если литература будет скрывать от него всю грубость, невежество, мрак, которые его окружают, то нечего ждать прогресса... Я дам вам голову на отсечение, что у Некрасова есть талант и, главное, знание русского народа, непониманием которого мы все (отличаемся... Я беседовал с Некрасовым и убежден, что он будет иметь значение в литературе..."

Трудно сомневаться, что отношение Белинского к Некрасову, как к писателю, который "будет иметь значение в литературе", явилось не столько результатом прочтения одного рассказа, сколько выводом из этих впечатлений, которые выносил Белинский от совместной с Некрасовым работы в "Отечественных Записках". Что такая совместная работа имела место, - на это указывает целый ряд источников. "В ту зиму, - пишет Панаева о зиме 1842 г., - Некрасов очень редко бывал у нас, но зато часто виделся с Белинским и стал писать разборы в отделе библиографии "Отечественных Записок". В письме к Краевскому от 8 июля 1843 г., отвечая "а упреки Краевского в том, что для отдела библиографии он дал ему мало материала, Белинский, находившийся тогда на побывке в Москве, говорит: "Я оставил вам несколько рецензий, а книг, - вы пишете сами, - в Питере нет: а между тем вы еле-еле можете расплачиваться с Некрасовым, Сорокиным и прочей голодной братией, работающей за меня". "Работать за Белинского" - это значило уметь писать в его духе, выдерживая, хотя бы до некоторой степени, ту линию, которую он неуклонно проводил в своих критических статьях и рецензиях. Белинский, очевидно, считал Некрасова способным быть его временным заместителем. В тех предсмертных автобиографических записках, о которых уже упоминалось, есть определенное указание на то, что еще до знакомства с Белинским рецензии Некрасова совпадали иногда по своему содержанию с рецензиями Белинского. "Случалось, - читаем мы в них, - так: обругаю Загоскина в "еженедельной газете", потом читаю в "ежемесячном журнале" о том же" {В автобиографии Некрасова ("Новый Мир", 1925 г., No 1), в свою очередь, содержатся аналогичные указания на совпадения в критических отзывах его и Белинского, причем для характеристики этих совпадений употреблено выражение: "Замечательное сходство"}. Упоминаемая здесь "еженедельная газета" - это, конечно - "Литературная Газета", в которой сотрудничал Некрасов, а "ежемесячный журнал" - "Отечественные Записки", в которых работал Белинский.

Действительно, подобные совпадения на страницах этих периодических изданий встречались довольно часто.

Так в рецензии на "Русские народные сказки" Сахарова в "Литературной Газете" от 15 мая 1841 г. Некрасов подчеркнул исключительное значение народной словесности и необходимость замены распространенных в то время на книжном рынке лубочных фальшивок подлинными народными сказками. Те же взгляды высказал и Белинский в июньской книжке "Отеч. Записок" того же года.

Не менее показательно будет сопоставить следующие отзывы, из рецензий Некрасова и Белинского на "Альбом избранных стихотворений, посвященных прекрасному полу".

У Некрасова:

("Лит. Газ." от 25 янв., 1824 г.)

"В отделении романсов, кроме прекрасной пьесы Пушкина: Птичка... кроме стихов Вельтмана: Луч надежды (из Пантеона Рус. Театра 1840) и еще двух-трех ль ее, все остальное очень старо и плохо.

У Белинского:

("Отеч. Зап.", февр. 1842 г.)

Кроме двух или трех посредственных стихотворений новейшего изделия да маленькой пьески Пушкина, все остальное в этом сборнике - старое, теперь забытое, или новое в старом и забытом роде.

Также совпали и нападки Некрасова на барабанный патриотизм книжки "Русский патриот" ("Лит. Газ." от 15 февраля 1842 г.) с оценкой Белинского ("Отеч. Зап.", апрель, 1842 г.).

Разумеется, эти совпадения не были чистой случайностью: они явились результатом того, что Некрасов и рецензент воспитывался на статьях и рецензиях Белинского.

Так восторженные отзывы Некрасова о Поль де Коке (биогр. очерк в "Лит. Газете" от 8 марта 1842 г.), защита его от нападков со стороны неумеренных моралистов вполне соответствовали взглядам на творчество этого писателя, выраженным до того времени в ряде статей Белинского (впоследствии эти взгляды Белинского резко изменились). Вполне допустимо предположение, что эти совпадения и содержания рецензий, свидетельствовавшие о том, что Некрасов, как рецензент, способен был проводить критическую линию Белинского, и натолкнули Белинского на мысль использовать его для роли своего помощника и заместителя по работе в библиографическом отделе "Отеч. Зап.". Поскольку же Белинский задался этой мыслью, он должен был взять на себя подготовку Некрасова к обязанностям подобного рода. В незаконченном и, повидимому, неотправленном письме Некрасова к М. Е. Салтыкову-Щедрину прямо говорится, что "беседы" Белинского с ним имели характер "поучений" (см. ниже, стр. --). А вот одна из таких бесед-поучений", вернее отрывок из нее, в передаче предсмертных биографических записей.

- "Вы верно смотрите, - оказал однажды Белинский Некрасову, - но зачем вы похвалили Ольгу {Нам не удалось с достоверностью установить, о какой Ольге здесь говорится. Возможно, что в своем разговоре Белинский вспомнил об Ольге - героине рассказа Веревкина "Любовь петербургской барышни", помещенного во втором томе ("Ста русских литераторов": в рецензии на эту книгу "Лит. Газ" 1941 г., No 84) Некрасов мягко и доброжелательно отозвался о данном рассказе, тогда как Белинский дал резко отрицательную оценку его в No 7 "Отеч. Зап." 1841 г.}?"

- Нельзя, говорят, ругать все сплошь.

- Надо ругать все, что нехорошо, Некрасов. Нужна одна правда".

Взявшись за какое-нибудь дело, Белинский не умел отдаваться ему наполовину; он обычно вкладывал в него всю свою душу. Одним из таких увлекших его дел явилась работа над умственным развитием Некрасова. "В 1843 г. я видел,-- писал В. В. Анненков М. М. Стасюлевичу под впечатлением смерти Некрасова,-- как принялся за "его Белинский, раскрывая ему сущность его собственной натуры и ее силы, и как покорно слушал его поэт, говоривший: "Белинский производит меня из литературной бродяги в дворяне" {Само собой разумеется, это выражение менее всего следует понимать в классовом смысле; Некрасов просто хотел сказать, что под влиянием Белинского он делается писателем, стоящим на высоте умственных стремлений эпохи.}. Свидетельство Анненкова возможно было бы подкрепить рядом других свидетельств, но, думается, в этом нет надобности, ибо в достоверности приводимых им фактов едва ли возможно сомневаться {Летом 1843 г. - читаем у Тургенева,-- Белинский... лелеял и рекомендовал и выводил в люди Некрасова". Некрасов благоговел перед Белинским, - записал в своем "Дневнике" Достоевский - и, кажется, всех больше любил его за всю свою жизнь... О знакомстве его с Белинским я мало знаю, но Белинский его угадал с самого начала и, может быть, сильно повлиял на настроение его поэзии. Несмотря на всю тогдашнюю молодость Некрасова и на разницу лет их, между ними наверное уже и тогда бывали такие минуты и уже сказаны были такие слова, которые влияют навек и связывают неразрывно..."}.

Каких же результатов добился Белинский в своих усилиях сделать из Некрасова писателя, стоящего на уровне передовых стремлений эпохи? Думается, эти результаты и велики и несомненны. Начать с того, что в эти именно годы Некрасов стал вырабатываться в настоящего критика. Его статьи иногда принимались за статьи самого Белинского (об одном таком эпизоде рассказывает Панаева, см. "Воспоминания", стр. 134), и это очень радовало Белинского. Явно преувеличивая критические таланты Некрасова, он иногда готов был утверждать следующее: "Вы писывали превосходные рецензии в таком роде, в котором я писать не могу и не умею".

А вот другой отзыв Белинского, который, если он относится к статье Некрасова о "Воспоминаниях Булгарина", отнюдь нельзя упрекнуть в преувеличениях: "Я помню, - писал Белинский Кавелину от 7 дек. 1847 г., - кажется, в 1842 или в 1843 г. он писал в "Отечественных Записках" разбор какого-то болгаринского издания с такой злостью, ядовитостью, с таким мастерством, что читать наслаждение и удивление".

Но так как не критика являлась истинным призванием Некрасова, а поэзия, то неизмеримо более важным является то, что "беседы и поучения" Белинского помогли Некрасову сначала усвоить идеологию наиболее передовых общественных кругов того времени, а затем и отразить ее в своих поэтических произведениях, которые с этого времени начинают привлекать общее внимание и влиять в определенном духе на умонастроение широких читательских кругов. Прежде всего необходимо отметить, что социальные противоречия тогдашнего строя были осознаны и осмыслены Некрасовым не без участия Белинского. Правда, на многое в этой области Некрасову раскрыли глаза личные переживания в годы недавней отчаянной борьбы за существование, но и Белинский, несомненно, помог ему уразуметь вопиющую несправедливость социального строя, основанного на неравномерном распределении жизненных благ. Не забудем, что как раз в те же годы, к которым относится сближение Некрасова и Белинского, последний особенно был увлечен утопическим социализмом. Те пылкие дифирамбы социализму, которые содержатся в письмах Белинского к друзьям, само собой разумеется высказывались им и в беседах с ними, высказывались, по всей вероятности, с большими, чем в письмах, горячностью и подъемом. Напомним знаменитую тираду из письма к Боткину от 8 сентября 1841 года:

"Я теперь в новой крайности - это идея социализма, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, альфой и омегой веры и знания. Все из нее, для нее и к ней. Она вопрос и решение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию. И потому ею объясняю теперь жизнь мою, твою и всех, с кем встречался я на пути к жизни... Социальность, социальность - или смерть! Вот девиз мой. Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность? Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи?... Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает о его возможности? Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч! Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братьями моими! Сердце мое обливается кровью

и судорожно содрогается при взгляде на толпу и ее представителей. Горе, тяжелое горе овладевает мною при виде и босоногих мальчишек, играющих на улице в бабки, и оборванных нищих, и пьяного извозчика, и идущего с развода солдата, и бегущего с портфелем подмышкой чиновника, и довольного собою офицера, и гордого вельможи. Подавая грош солдату, я чуть не плачу, подавши грош нищей, я бегу от нее, как будто сделавши худое дело и как будто не желая слышать шелеста собственных шагов своих. И это жизнь: сидеть на улице в лохмотьях, с идиотским выражением на лице, набирать днем несколько грошей, а вечером пропить их в кабаке - и люди это видят, и никому до этого нет дела! Не знаю, что со мной делается, но иногда с сокрушительною тоскою смотрю я по несколько минут на девку..., и ее бессмысленная улыбка, печать разврата, со всей непосредственностью рвет мне душу, особенно, если она хороша собою... И настанет время - я горячо верю этому - настанет время, когда не будет богатых, не будет бедных, ни царей ни подданных, но будут братья, будут люди... И это делается через социальность. И потому нет ничего выше и благороднее, как способствовать ее развитию и ходу. Но смешно и думать, что это. может сделаться само собою временем, без насильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданиями миллионов. К тому же: fiat justitia - pereat mundus" {Т. е. - "Да будет справедливость, хотя бы погиб мир"}. Вчитываясь в эти пламенные строки, а выраженные в них мысли Белинский, конечно, не один раз развивал в разговорах с Некрасовым, нетрудно заметить, что некоторые образы этого письма Белинского нашли себе место в творчестве Некрасова. Например, образы оборванных нищих ("Петербургские углы"), пьяницы ("Пьяница"), извозчика ("Извозчик"), чиновника ("Чиновник"), публичной женщины ("Еду ли ночью по улице темной", "Убогая и нарядная"). Заключительная же мысль о неизбежности "в борьбе за лучшее социальное будущее "насильственных переворотов", "крови" впоследствии была сформулирована Некрасовым в "Саше":

Нужны не годы,
Нужны столетья и кровь и борьба,
Чтоб человека создать из раба...

Возьмем другой пример. В единственной печатной статье Белинского, где его социалистическая идеология отразилась, несмотря на цензурную узду, с достаточной полнотой и определенностью, в статье о романе Евгения Сю "Парижские тайны" ("Отеч. Зап." 1844 г., No 4), Белинский набрасывает, между прочим, образ "нравственного человека", едва ли не предопределивший идеологическую установку известного стихотворения Некрасова "Нравственный человек", написанного, кстати сказать, еще при жизни Белинского. "В наше время, - читаем мы здесь, - слова "нравственность" и "безнравственность" сделались очень гибкими, и их теперь легко прилагать по произволу к чему вам угодно. Посмотрите, например, на этого господина, который с таким достоинством носит свое толстое чрево, поглотившее в себя столько слез и крови беззащитной невинности,-- этого господина, на лице которого выражается такое довольство самим собою, что вы не можете не убедиться с первого взгляда в полноте его глубоких сундуков, схоронивших в себе и безвозмездный труд бедняка, и законное наследство сироты. Он, этот господин с головою осла на туловище быка, чаще всего и с особенным удовольствием говорит о нравственности и с особенной строгостью судит молодежь за ее безнравственность, состоящую в неуважении к заслуженным (т. е. разбогатевшим) людям, и за ее вольнодумство, заключающееся в том, что она не хочет верить словам, не подтвержденным делами"...

И когда, характеризуя роман Сю, Белинский говорит: "автор хотел представить развратному, эгоистическому, обоготворившему златого тельца обществу зрелище страданий несчастных, осужденных на невежество и нищету, а невежеством и нищетою - "а порок и преступления..." - и далее: "автор водит читателя по тавернам и кабакам, где собираются убийцы, воры, мошенники, распутные женщины, - по тюрьмам, в больницы, в дома умалишенных, по чердакам и подвалам, где скрываются бедные семейства, круглый год бледные от голода и изнурения, а зимою дрожащие от стужи, потому, что они не знают, что такое дрова..." - не кажется ли вам, что здесь дано изложение тематики стихов Некрасова за эти годы?! Недаром впоследствии, перечисляя объекты своего поэтического творчества в "Поэте и гражданине", Некрасов, невольно, конечно, (повторил Белинского:

Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил... и т. д.

Несмотря на частые совпадения образов, мы далеки от мысли утверждать, что Некрасов перекладывал, в стихи то, что слышал от Белинского или читал в его статьях. Отмеченное явление свидетельствует лишь о том, что когда социалистическое умонастроение Белинского передалось Некрасову, то перед его поэтическим воображением тем легче должны были возникнуть образы, рисовавшиеся Белинскому, что они были хорошо знакомы ему по недавним непосредственным впечатлениям его жизни. Во всяком случае, социалистическая настроенность определила собою основной мотив произведений Некрасова середины и второй половины 40-х гг., - резкое противопоставление двух миров: мира "запуганной и задавленной", беспощадно эксплуатируемой бедноты и мира властных и самодовольных представителей эксплуатирующих классов, причем миру эксплуатируемых автор отдает все свои симпатии, а на мир эксплуататоров, изображаемый со всеми аксессуарами "гнусной расейской действительности", столь ненавидимой Белинским, изливает еще невиданные в русской литературе "горечь и злость".

Возможно, что и внимание, уделяемое в эти годы Некрасовым народу, т. е. крестьянству, внушено ему до некоторой степени Белинским. Не говоря уже о том, что в статьях и письмах рассматриваемого периода Белинский не упускал случая указывать на тяжелое положение крестьян, в частности крепостных, и это могло оказать известное влияние на тематику Некрасова,-- в одной из статей великого критика мы находим форменный призыв в народ, подхваченный и Некрасовым.

Статья Белинского, которую мы имеем здесь в виду, это - статья о "Сельском чтении" ("Совр." 1848 г., No 1). Утверждая в ней, что "русский народ - один из способнейших и даровитейших народов в мире", Белинский не закрывает глаза и на темные стороны народной жизни, к которым, прежде всего, относит "невежество, старые, закоренелые привычки и предрассудки" и т. д. "Самое верное лекарство против всех этих зол должно состоять", по мнению Белинского, "в успехах цивилизации и просвещения". Успехи же цивилизации и просвещения зависят от активности интеллигенции, культурных личностей. По Белинскому, (народ это - "почва, хранящая жизненные соки всякого развития", а "личность - цвет и плод этой почвы". Белинский в рассматриваемой статье близко подходит к мысли о долге всякого интеллигента способствовать благу народа. "Человек, отделившийся от народа образованием, - пишет он, - наблюдая и изучая народный быт, может научить простого человека лучше пользоваться тем, с чем тот обращался всю жизнь свою... Мало того: узнавши что-нибудь полезное от народа, образованный человек может возратить народу это же самое, у него взятое приобретение в улучшенном виде".

Нет надобности распространяться, что в этих словах в зачаточном виде нашла себе выражение система взглядов позднейшего народничества, твердо усвоенная впоследствии Некрасовым и побуждавшая его неустанно взывать к умелым "сеятелям", с "бодрыми лицами" и с "полными жита кошницами", в которых так нуждалась, по его мнению, "нива народная". К народничеству в его чистом виде Некрасов стал склоняться не ранее 70-х гг. Для нас же, в (виду специальной установки нашей статьи, особенно интересно подчеркнуть, что в том же году, когда писалась статья Белинского о "Сельском чтении", Некрасов некоторые из ее основных мыслей вложил в уста Каютина, героя своего романа "Три страны света", печатавшегося в 1848-49 гг. в "Современнике". "Я, - заявляет Каютин, - много люблю русского крестьянина потому, что хорошо его Знаю", - и обращается ко всякому, кто "после обычной жажды дел впал в апатию я сидит сложа руки, кого тревожат скептические мысли, безотрадные и безвыходные", с горячим советом "прокатиться по раздольному нашему отечеству, побывать среди всяких людей, посмотреть всяких див. В столкновении с народом он увидит, что много жизни, здоровых и свежих сил в нашем милом и дорогом отечестве; увидит, что все идет вперед... Увидит и устыдится своего бездействия, своего скептицизма, и сам, как русский человек, разохотится, расхочется: откинет лень и положит посильный труд в сокровищницу развития, славы и процветания русского народа"...

Не лишнее будет здесь отметить, что основная тенденция романа "Три страны света" - прославление честного буржуа-предпринимателя, стремящегося к наживе - могла быть, как справедливо указал в свое время К. И. Чуковский (см. "Былое" 1923 г., № 22), опять-таки внушена Белинским, который к концу своей жизни утверждал, что "внутренний прогресс гражданского развития в России начнется не ранее, как с той минуты, когда русское дворянство превратится в буржуазию" (в письме к Анненкову от 15 февраля 1848 г.). "Это убеждение, - читаем у Чуковского, - Белинский вывез из своей предсмертной поездки во Францию. Он уверял, что третье сословие, которое тогда еще было вольнолюбиво и декларировало самые высокие чувства, уничтожит все тяготы феодального быта. Он приветствовал эту денежную власть, как победительницу несправедливого строя, как один из этапов к вожденному братству и равенству. Он высказал свое убеждение Анненкову, но до Анненкова оно не дошло. Несомненно, что, вернувшись домой умирать, Белинский не раз повторял свою центральную мысль друзьям, в том числе и молодому Некрасову. Некрасов единственный понял ее до конца. Он понял ее даже лучше, чем Белинский, так как она формулировала то, что он давно уже чувствовал сам. Ему достаточно были нескольких слов, чтобы он утвердился в своем ощущении, что деньги для тогдашней России есть хартия вольности, что их вторжение в русскую жизнь знаменует собою если не полное раскрепощение народа, то хоть ослабление прежних крепей. Да и как ему было не понять этого! Он был первый поэт города, первый плебей, первый разночинный поэт, как же ему было не чувствовать, что в деньгах - творческая свобода и сила! Он носил это ощущение в крови, и не он один, а очень многие".

Однако, при всей справедливости этих слов, нельзя не подчеркнуть самым решительным образом, что симпатии к "буржуазии" лишь кратковременный, а потому и мало характерный эпизод в идеологическом пути Некрасова. Ранее "Трех стран света", в 1845--46 гг., Некрасов в таких своих стихотворениях, как "Современная ода", "Секрет" ("опыт современной баллады"), клеймил ее самым беспощадным образом; после же "Трех стран света", особенно, в 60-е, 70-е годы, Некрасов уже постоянно выступает прямо-таки с громоносными обличениями по ее адресу. Достаточно назвать всем известные "Железную дорогу" и поэму "Современники".

Говоря о работе Белинского над умственным развитием Некрасова и отнюдь не упуская из виду того, что Белинский, как указывалось выше, был лишь необыкновенно сильным и чутким проводником тех влияний, которые коренились в социально-экономических и политических условиях эпохи и среды, следует остановиться на вопросе о том, как вырабатывалось литературное, *profession de foi* Некрасова и в чем оно состояло. Эпоха и среда создала в русской литературе 40-х гг. так называемую "натуральную школу"; Белинский был ее страстным апологетом и пропагандистом; вслед за ним и Некрасов мало-по-малу стал убежденным и последовательным ее сторонником. Когда Некрасов в 1852 г. откликнулся на смерть Гоголя, этого, в истолковании Белинского, родоначальника и главы натуральной школы, стихотворением "Блажен незлобивый поэт", великий критик, если бы только был жив, целиком и полностью подписался бы под мыслями, высказанными в нем, ибо они были его собственными мыслями. И когда в начале тех же 50-х гг. в ожесточенных спорах с Боткиным и Тургеневым, упрекавшими его стихи в "грубой реальности", советовавших ему "бросить воспевать любовь ямщиков, огородников и всю деревенщину", "ибо "это фальшь, которая режет ухо", Некрасов упрямо защищал свое право изображать то, что он видел и глубоко (прочувствовал, хотя бы это были тяжелые и мрачные стороны жизни, -- то он в полном смысле этого слова являлся продолжателем традиций Белинского последних лет его жизни. Более того, споры Некрасова с Боткиным и Тургеневым, как передает их Панаева, поразительно напоминают споры Белинского с некоторыми из его современников, нашедшие отражение в его статьях. Вот тому наглядный пример, взятый из статьи Белинского о "Повестях, сказках и рассказах Казака Луганского" ("Современник", 1847 г., т. I): "В нашей литературе, -- говорится здесь, -- нашлось довольно критиков аристократов, которых оскорбила, зацепила за живое эта любовь г. Даля к простонародью. Как-де, в самом деле, унижать литературу изображением грязи и вони простонародной жизни? Как выводить на сцену чернь, сволочь, мужиков-вахлаков, баб, девок? Это аристократическое отвращение от грязной литературы деревень очень остроумно выразил один карикатурист-аристократ, изобразив молодого автора одной прекрасной повести из крестьянского быта роющим в помойной яме... Но подобные люди не стоят опровержений. Мужик - человек, и этого довольно, чтобы мы интересовались им так же, как и всяким баринном". Когда, наконец, в 1856 г., на рубеже новой эпохи, в литературе началась открытая борьба пушкинского и гоголевского направлений, причем на стороне первого были представители дворянской литературы, второе же опиралось, главным образом, на

разночинные ее слои с автором "Очерков гоголевского периода" во главе, Некрасов ни минуты не колебался, на чью сторону ему стать. В письме к Тургеневу от 30 декабря 1856 г. он категорически заявляет, что никакого иного направления, чем то, которое определяется "обличением и протестом", не признает, добавляя: "его создал не Белинский, а среда, оттого они и пережили Белинского, и совсем не потому, что "Современник", в лице Чернышевского, будто бы подражает Белинскому".

Из этой выдержки, между прочим, явствует, что мысль о направлении, выражающем "обличение и протест", т. е. гоголевском направлении, иначе говоря натуральной школе, тесно была связана в сознании Некрасова с мыслью о Белинском.

Приведенных фактов и соображений, думается, с избытком достаточно, чтобы вопрос о степени и характере влияния Белинского на Некрасова считать, в основных чертах, проясненным. Некрасов сам подвел итог этому влиянию в одной из бесед с Н. А. Добролюбовым. "Жаль, - говорил он своему собеседнику, - что ивы сами не знали этого человека. Я с каждым годом все сильнее чувствую, как важна для меня потеря его. Я чаще стал видеть его во сне, и он живо рисуется перед моими глазами. Ясно припоминаю, как мы с ним вдвоем часов до двух ночи беседовали о литературе и о разных других предметах. После этого я всегда долго бродил по опустелым улицам в каком-то возбужденном настроении, столько для меня было нового в высказанных им мыслях... Вы, вот, вступили в литературу подготовленным, с твердыми целями и ясными принципами. А я? Заняться своим образованием у меня не было времени, надо было думать о том, чтобы не умереть с голоду! Я попал в такой литературный кружок, в котором скорее можно было отупеть, чем развиваться. Моя встреча с Белинским была для меня спасением... Что бы ему пожить подольше! Я был бы не тем человеком, каким теперь"... (А. Я. Панаева, "Воспоминания", Лнгр. 1927 г., стр. 403).

Не только в разговорах с друзьями, но и в стихах Некрасов твердил о том же. Называя Белинского в лирической комедии "Медвежья охота" "учителем", он раскрывает здесь и сущность этого учительства:

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

Заметим, что эти незабываемые строки писались почти через двадцать лет после смерти Белинского ("Медвежья охота" была написана в 1867 году). В период его непосредственного общения с Белинским чувство (благодарности и приязни к нему, усиливается обаянием на редкость привлекательной и светлой личности "неистового Виссариона", естественно должно было бы ощущаться еще сильнее.

III

Тем более неожиданным, в особенности на первый взгляд, представляются некоторые стороны в поведении Некрасова относительно Белинского в 1847 г., когда в его руки и в руки И. И. Панаева перешел журнал П. А. Плетнева "Современник". Ни Некрасов, ни Панаев не скрывали того, что одной из побудительных причин, заставивших их предпринять хлопоты по арендованию "Современника", являлось стремление создать свой орган для Белинского, которого эксплуататорские замашки Краевского незадолго перед тем вынудили порвать с "Отеч. Записками". Вот очень красноречиво говорящий об этом отрывок из письма Панаева к Кетчеру от 1 октября 1846 г.:

"Ты, я думаю, не забыл, Кетчер, сколько раз в бытность твою в Петербурге мы толковали о тяжелых, невыносимых отношениях Белинского к Краевскому и мечтали вместе с Белинским о том, как бы хорошо было завести свой журнал. Мечта эта казалась нам очень привлекательной, но почти неосуществимой. Об этом мечтали и не мы одни... Все готовы были какими-нибудь средствами исхитить Белинского, говоря высоким слогом, из железных лап бессовестного и бесстыдного спекулятора. Желания наши были горячи - да средств не было. - Наконец, теперь нашлись средства, и осуществились мечты. - Имея в виду купить журнал, я

прежде всего думал о Белинском. Журнал и Белинский нераздельны в моих понятиях. И для чего же мне было рисковать покупкою журнала, употреблять на это мои последние деньги, если бы я не был убежден в том, что это вместе и желание Белинского и единственное средство, остающееся ему к поддержанию его материального существования? О том, что Белинский не имеет никаких средств к существованию без журнала, ты, я думаю, не сомневаешься. Мои выгоды еще неизвестны, а Белинский уже будет обеспечен с той минуты, как начнется журнал, или, по крайней мере, будет иметь определенный, верный доход, без чего ему существовать невозможно. - Все другого рода труды и предприятия безнадежны... Из всего этого ясно, что только журнал и один наш журнал есть спасение Белинского. - Тут чистые деньги, а не надежды на деньги, часто обманчивые. Белинскому писано об этом, и сам Белинский не может не понять этого, ибо все это ясно, как божий день".

Слова "Белинскому писано об этом" доказывают, что новые издатели "Современника" заблаговременно уведомили Белинского о том, что они затевают журнал и как представляют себе его роль в этом журнале. На основании ли их писем, на основании ли личных бесед с ними Белинский проникся уверенностью, что он, подобно Некрасову и Панаеву, будет одним из полноправных хозяев "Современника", одним из руководящих участников данного журнального начинания. Однако этого не произошло. Что же произошло в таком случае? Предоставим на этот вопрос ответить Тургеневу, который в 1869 г. напечатал на страницах "Вестника Европы" (№ 4) свои воспоминания о Белинском. В них он прямо заявляет, что Белинский был "постепенно и очень искусно устранен от журнала, который был создан собственно для него", и "вместо хозяйского места, на которое имел полное право, занял место... наемщика" {Это же именно выражение употреблено и Кавелиным в его воспоминаниях о Белинском: "Каким образом Белинский оказался наемщиком на жалованьи,-- этого фокуса мы понять не могли, негодовали и подозревали Некрасова в литературном кулачестве и гостинодворчестве"}.}

В подтверждение Тургенев цитировал отрывки из двух писем Белинского к себе: из письма от 19 февр. 1847 г. и из письма от 1 марта.

Из первого письма Тургеневым был приведен отрывок, содержащий рассказ Белинского об объяснении его с Некрасовым по вопросу об его роли в "Современнике": "Получил от Кругательное письмо, но не показал Некрасову. Последний ничего не знает, но догадывается, а делает все-таки свое. При объяснении со мною он был нехорош; кашлял, заикался, говорил, что на то, что я желаю, он кажется, для моей же пользы согласиться никак не может по причинам, которые сейчас же объяснит, и по причинам, которых не может мне сказать. Я отвечал, что не хочу знать никаких причин, - и сказал мои условия. Он повеселел и теперь при свидании протягивает мне обе руки; видно, что доволен мною вполне. По тону моего письма вы можете ясно видеть, что я не в бешенстве и не в преувеличении. Я любил его, так любил, что мне и теперь иногда то жалко его, то досадно за него - за него, а не за себя. Мне трудно переболеть внутренним разрывом с человеком, а потом - ничего. Природа мало дала мне способности ненавидеть за лично нанесенные мне несправедливости; я скорее способен возненавидеть человека за разность убеждений или за недостатки и пороки, вовсе для меня лично безвредные. Я и теперь высоко ценю Некрасова, и тем не менее он в моих глазах - человек, у которого будет капитал, который будет богат, а я знаю, как это делается. Вот уж начал с меня. Но довольно об этом".

Что касается второго письма Белинского (от 1 марта), то из него Тургеневым были напечатаны лишь строки, которые охватывают только ту его часть, где Белинский оправдывает поведение Некрасова тем обоюдоострым соображением, что Некрасов, как человек, выросший в "грязной положительности", не дорос до понятия о "высшем праве", которое исповедывалось прочими членами кружка; другая же часть письма Белинского, в котором он, полемизируя против своего прежнего отзыва, доказывает, что Некрасов никогда не будет капиталистом и что между ним и Краевским нет ни малейшего сходства (см. "Белинский. Письма", т. III, стр. 189--170) - Тургеневым была оставлена под спудом... Оставленное под спудом могло значительно ослабить впечатление от опубликованных Тургеневым отрывков, но так как содержание его никому не было известно, то в глазах всей читающей публики статья Тургенева в "Вестнике Европы" была воспринята как попытка гласного дезонорирования Некрасова, к тому же попытка, солидно обоснованная. Впечатление от этого выпада Тургенева против Некрасова усугублялось тем, что Тургенев, сознательно или бессознательно, выбрал для него

чрезвычайно удобный момент, Только что (в марте месяце) вышла из печати брошюра М. А. Антоновича и Ю. Г. Жуковского "Материалы для характеристики современной русской литературы", в которой эти бывшие сотрудники "Современника" доказывали, что вся не только журнальная, но и политическая деятельность Некрасова имеет" лишь одну цель - наживу; ради наживы Некрасов способен решительно на все - на ложь, на лицемерие, на отречение от своих друзей и единомышленников, как, например, это было с Чернышевским, на подблюдные песни (намек на стихотворение Некрасова в честь гр. Муравьева, прочтенное на обеде в Английском клубе) и т. д.; если Некрасов до сих пор прикидывается либералом, то только потому, что публика охотно шла на либеральные приманки; в действительности же к либерализму он так же глубоко равнодушен, как и ко всякому другому направлению; зато юн очень и очень неравнодушен к возможности обогащаться, в этих и только в этих целях он воссоединился ныне со своим всегдашним антагонистом Краевским и вошел в редакцию всегда враждовавших с "Современником" "Отечеств. Записок".

Вопрос был поставлен Антоновичем и Жуковским так, что Некрасову очень трудно было оправдаться. Единственным способом оправдаться было бы заявить, что он искренно предан тем идеям, которые уже столько лет проповедывал и на страницах "Современника" и в своих стихах. В распоряжении Некрасова было достаточно фактов, чтобы подтвердить "подобное" заявление. Недаром Антонович, особенно резко нападавший на него в "Материалах", (впоследствии принужден был гласно признать свою неправоту в отношении его. Однако если бы Некрасов вздумал оправдываться, заявляя о своей верности прежнему знамени, то правительство, недавно задушившее "Современник", не постеснялось бы подобным же образом расправиться и с "Отечественными Записками". Рисковать же судьбой "Отечественных Записок" Некрасов, по соображениям идейного порядка, не мог. В результате ему ничего не оставалось, как молчать, а молчание при подобных обстоятельствах расценивается как невозможность защищать себя. "Нечего ему сказать в свою защиту, вот он и молчит" - таково обычное рассуждение в этих случаях. Некрасов не мог не сознавать, что, отказываясь от возражения своим обвинителям, он ставит себя в весьма невыгодное положение к дает новое оружие в руки своих многочисленных недоброжелателей. Нелегко ему это было (см. в "Воспоминаниях" Н. К. Михайловского рассказ об его невыразимо тяжелом душевном состоянии в эти дни), но все же он решился молчать. И вот в этот столь критический для него момент он подвергается нападению с совершенно другого фланга. Только что молодые сотрудники "Современника", из рядов так называемых нигилистов, обрушили на "его" голову ряд тягчайших упреков, а теперь к ним на помощь спешит старый сотрудник "Современника", известный своим отрицательным отношением к нигилизму, когда-то интимнейший друг, и обвиняет его, да еще устами Белинского, в не менее тяжких проступках. Антонович с Жуковским утверждали, что он предательски вел себя в отношении вождя шестидесятников - Чернышевского. Тургенев же обличал его в эксплуатации вождя лучшей части поколения 40-х гг. - Белинского. Создавалось, действительно, крайне тягостное положение. Некрасов, бывший в это время за границей, решается оправдаться хотя бы в глазах писателя, который из окружавшей его литературной братии выделялся и размерами своего художественного, истинно великого дарования, и своим нравственным авторитетом; к тому же этот писатель стоял с ним у кормила одного и того же журнала... Мы имеем в виду Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Четыре раза принимался Некрасов за письмо к нему, целью которого было разъяснить обстоятельства, вызвавшие невключение Белинского в число дольщиков "Современника", и четыре раза откладывал перо в сторону, не закончив своего объяснения. Быть может, ему, действительно, нечего было сказать? Это предположение отпадает, как только мы ознакомимся с текстом четырех черновых набросков его письма в Салтыкову. Основания, на которых ему возможно было бы [построить свою реабилитацию, у него безусловно были, и все-таки перо валялось у него из рук. Очевидно, самая необходимость оправдываться, доказывать, что он не столь корыстолюбивый и дурной человек, как это могло показаться при чтении воспоминаний Тургенева, была для него непереносимо тяжела.

Нам припоминается одна из наших бесед с Александром Ипполитовичем Панаевым, сыном Ипполита Александровича Панаева, в течение десятка лет заведывавшего конторой "Современника". Алекс. Ипп. отчетливо помнил несколько случаев, когда его отец настойчиво убеждал Некрасова выступить с документальным опровержением (соответствующие документы {Впоследствии эти документы были найдены и проработаны нами в статье "Практичность Некрасова в освещении цифровых и документальных данных" ("Вестник Европы", 1915 г., No 1), разрушившей легенду об эксплуататорских тенденциях Некрасова в

отношении сотрудников его журналов.} тщательно сберегались им) распространявшихся его недоброжелателями, напр., Ник. Успенским, клевет о том, что он обсчитывает своих сотрудников и т. д. Однако, несмотря на все убеждения Панаева, горячившегося, в возбуждении бегавшего по комнате, Некрасов ни за что не соглашался на это, упрямо повторяя слова из своего стихотворения: "как умрем, кто-нибудь и о нас проболтается добрым словом".

Некрасов, несмотря на многочисленные компромиссы своей жизни, на свои всем известные слабости, был гордый человек, и эта гордость препятствовала ему писать оправдательные письма на тему: "пожалуйста, не верьте, что я таскаю платки из чужих карманов" (из письма к Тургеневу от 21 июня 1857 г.). Затем, по натуре своей он был очень не склонен к излияниям, а большинство самооправданий неизбежно переходит в излияния. Как характерно для него хотя бы это признание в одной из записок к библиографу П. А. Ефремову, относящейся к последнему году его жизни: "Милый Петр Александрович, словно что-то дорогое, потерянное нашел я, поговорив с вами и получив ваше письмо. В жизни многие люди терпят от излишней болтливости, я же часто терпел от противоположного качества и очень рад и благодарен себе, что отступил на этот раз от своей привычки молчать". "Привычка молчать" сослужила ему плохую службу не толь, ко при его жизни. Даже после "смерти он не подвергся бы многим несправедливым нареканиям, если бы почаще ее преодолевал. Сколько суровых приговоров было произнесено над Некрасовым, хотя бы в связи со все той же размолвкой его с Белинским! Проф. С. А. Венгеров, которого менее чем кого бы то ни было другого можно упрекать в желании критиковать слабые стороны в нравственных обликах наших писателей, не усомнился возгласить на страницах брошюры "Белинский очутился в "Современнике" таким же журнальным чернорабочим, каким был у Краевского". Р. В. Иванов-Разумник, которого также было бы совершенно неправильно подозревать в недостатке уважения к деятелям народнического периода нашей литературы, в свою очередь находил, что в неприглашении Белинского в редакторы и дольщики "Современника" "главную и в некоторых случаях некрасивую роль сыграл Некрасов" (Собрание сочинений Белинского, СПб. 1911 г., т. I, стр. CIV). Еще резче ставил вопрос В. Розанов, вообще говоря, очень сочувственно относившийся и к поэзии и к личности Некрасова. "Из упреков настоящих,-- пишет он (см. "Новое Время" 1902 г., 24 дек.),-- на нем лежит только один: отношения к Белинскому, жестокие, своекорыстные. Это темное пятно, не суживающееся от времени... Это заметно и навсегда так останется"...

Итак, три видных литературных деятеля, маститый профессор, популярный критик, известный публицист, несмотря на свое благорасположение к Некрасову, расценивают интересующий нас эпизод как "темное пятно" на памяти Некрасова, и притом, такое, которое никогда не удастся смыть с нее. Мы позволяем себе думать, что утверждение это в основе своей ошибочно, однако упрекать за допущенную ошибку названных писателей не решаемся, ибо в их распоряжении не было всех тех документов, которые посчастливилось разыскать нам, не было по вине самого Некрасова. Выше было отмечено, что Некрасов четырежды принимался за письмо к Салтыкову, целью которого было разъяснить обстоятельства невключения Белинского в число редакторов-издателей "Современника". Два черновика этого письма были уже опубликованы А. М. Скабичевским в его известной биографии Некрасова, напечатанной сначала на страницах "Отечеств. Записок", а затем приложенной к первому посмертному (1879 г.) изданию его стихотворений; остальные два еще не появлялись в печати. Для полноты картины необходимо опубликовать все четыре отрывка, ибо, несмотря на близость их содержания, они, как убедится читатель, далеко не тождественны, исправляя и дополняя друг друга.

Начнем с отрывков, неиспользованных Скабичевским, ибо они дают наиболее веские основания утверждать, что Некрасов свою самозащиту против выпадов Тургенева предполагал включить именно в текст письма к Салтыкову.

ОТРЫВОК ПЕРВЫЙ

(Апрель, 1869, Париж¹)

¹ Дата этого и следующего отрывка из письма к Салтыкову устанавливается следующим образом. В (письме своем к Некрасову от 5 апреля из Петербурга (оно напечатано нами в № 4

журнала "Печать и Революция" 1928 г.) Салтыков извещает Некрасова о получении на его имя поэмы Жемчужникова; в письме же от 18 апреля (там же) Салтыков спрашивает Некрасова, вышел ли второй том романа Виктора Гюго. В приведенных нами 1-м и 2-м отрывках, как увидит читатель, имеются упоминания о поэме Жемчужникова и о романе Гюго. Эти упоминания являются как бы непосредственным ответом на письма Салтыкова. Отсюда вытекает, что Некрасов принялся писать Салтыкову уже после получения им его второго письма, датированного 18 апреля, т. е. не ранее, как в 20-х числах апреля.

"Что-то у Вас делается, многоуважаемый Михаил Ефремович? Я Вам писал наскоро и думал на другой день писать дальше, да дело затянулось, жизнь в трактире идет так, что коли утром что-нибудь помешало написать письмо, то день и пропал, и так далее. Живу не то, чтобы весело. Я уже жывал в Париже - все одна история - шляние по гульбищам и ресторанам, но хорошо то, что нервы отдыхают, а мне это было нужно.

Ни папаши, ни мамыши,
Нету дома никого.

Засыпать и просыпаться под впечатлением этих стишков недурно. В Париже мне надоело, в Киссинген еще рано, на-днях уеду куда-нибудь и пришлю Вам адрес, а куда (Пишите по старому. Я здесь читал No 4 В. Е. Напишу Вам об этом подробно со временем, а теперь лень. Скажу только, что я не исполнил желание Бел[инского] потому, что не мог, зная, что для него из этого ничего не выйдет (ибо он уже дышал на ладан), а себя свяжу. Сколько получил Белинский денег за свое участие в "Современнике", на это есть документы. Из статей, перешедших в "Современник" из предполагающегося сборника {Речь идет о несостоявшемся сборнике "Левиафан", который собирался при содействии Некрасова издать Белинский; с помощью этого (Сборника, материал для которого Белинский начал уже собирать, он надеялся кое-что подработать: в деньгах же он особенно нуждался, так как, разорвав с "Отечественными Записками", остался без всякого заработка.} кроме тех двух, все оплачены были деньгами журнала. Затем никто, кроме Белинского, не был хозяином содержания журнала, пока он {мог заниматься, а хозяином кассы он сам не хотел бы быть. Я имею убеждения и некоторые доказательства, что Белинский сам очень скоро увидел, что его положение, как дольщика (при необходимости брать немедленно довольно большую сумму на прожиток и неимение гарантии за свою долю в случае неудачи дела), было бы фальшиво. Это он мне сам высказал. Наконец, если даже вы остановились на мысли, что я отказал ему по корыстным соображениям, то пусть и так: я вовсе не находился тогда в таком положении, чтобы интересы свои приносить в жертву чьим бы то ни было чужим. Белинский это понимал, иначе не написал бы в том же письме, что все-таки меня высоко ценит. Непременно напишу об этом деле надосуге Вам подробно, а Вы напишите, что Вы об этом думаете {В письмах Салтыкова к Некрасову, относящихся к весне и лету 1869 г., нет ни единого упоминания об этом деле - лишнее доказательство, что Некрасов так-таки и не отправил ни одного из напечатанных и посвященных данному вопросу писем Салтыкову.}. По-моему эти два отрывка из писем уничтожают друг друга в значительной степени, но все-таки для Антоновича тут нажива хорошая {Некрасов не ошибся: "Воспоминания" Тургенева дали повод к новым нападкам на него со стороны Антоновича (см. приложения к журналу "Космос").}. Да чорт с ним! В конце концов я думаю так: суть вовсе не в копейках, которые я себе отделил, даже не в средствах, при помощи которых делал известное дело,-- а в самом деле. Вот если будет доказано, что дело это я исполнял совсем дурно, что привлекал к нему нечестных и неспособных, обходя способных и честных - тогда я кругом виноват, но тогда только. Роман Гюго (все четыре части) вышел, что Вы, вероятно, знаете".

ОТРЫВОК ВТОРОЙ

"Я приехал в Париж, когда уже первая часть романа Гюго вышла, я думаю, что Вы были об этом своевременно извещены. No 4 "Отеч. Зап." велите послать мне в Париж, по тому же адресу, какой я вам дал.

Поэму Жемчужникова я получил. Думаю, что ее печатать в "Отеч. Зап." не следует по причине ее полемического характера.

В этом смысле я ему написал.

Я прочел No 4 "Вестника Европы". Тургенев, имеющий свои причины пакостить мне, пришел на помощь Антоновичу. Два приведенные им отрывка из писем Бел[инского], будучи сопоставлены один с другим, в значительной степени уничтожают друг друга, но все-таки тут разгуляться молению. Я же скажу, что по моей роли в журналистике мне постоянно приходилось, так сказать, торговаться, и, я думаю, найдется еще не один человек из порядочных, который выражал в письме к приятелю свое неудовольствие на меня по этому поводу. Следует ли, однако, из этого, что я должен был или мог действовать иначе. Бел[инский] покинул "Отечественные Записки" вовсе не для того, чтобы основать новый журнал, да и мы тогда об этом не думали - доказательство о том между прочим, что затевался сборник. Мысль о журнале пришла нам в голову летом 1846 г., когда Белинский ездил со Щепкиным в Малороссию. Об этом и об условиях, "на коих он может вступить в дело, было ему написано, он отвечал согласием. В начале 1847 года он предложил мне, чтоб я ему дал в доходах журнала 3-ю долю. Я на это не согласился, как мне было ни тяжело ему отказывать, не согласился потому, что трудно было уладить дело: у нас уже были Панаев, я, Плетнев, Никитенко, которому тоже как редактору, кроме жалованья, принуждены были дать долю из будущих барышей (в 1848 г. он вышел и от всякого участия как в убытках, так и в барышах отказался). К чему повела бы доля? С первого года барышей мы не ждали (да их и не было, а был убыток), между тем и для нас и для всех друзей Белинского было не тайна, что его дни, как говорится, сочтены. Пришлось бы связать себя надолго"...

ОТРЫВОК ТРЕТИЙ

"Мне попался здесь "Вестник Европы", и я (прочел выдержки из писем Белинского. Прямо беру их на себя, ибо они для меня не новость. Не такой был человек Белинский, чтобы долго молчать. Помолчав несколько дней, он" высказал мне горячо и более резко, чем в этих письмах, свое неудовольствие и свое сожаление о внутреннем разрыве со мною и с Панаевым. Может быть, плодом этих объяснений и было второе письмо к Тургеневу, в значительной доле уничтожающее первое. Сопоставив эти два письма, останется, что "Н. действовал добросовестно, но не переходил той черты, где начиналась его невыгода, из-за принципа, до которого он не дорос". Кажется так. Я останавливаюсь на этом. Я был очень беден и очень молод, восемь лет боролся с нищетою, видел лицом к лицу голодную смерть, в 24 года я был уже надломлен работой из-за куска хлеба. Не до того мне было, чтобы жертвовать своими интересами чужим, Белинский это понимал, иначе не написал бы в том же первом обвиняющем меня письме, что он и теперь меня высоко ценит. А во втором письме он говорит, что почти переменял свое мнение и насчет источников моих поступков. С меня этого довольно. Я не знаю, исчезло ли в его воззрении на меня впоследствии это почти, но отношения наши до самой его смерти были короткие и хорошие. Я не был точно идеалист (иначе прежде всего не взялся бы за журнал, требующий практических качеств), еще менее я был равен ему по развитию; ему могло быть скучно "со мною, но помню, что он всегда был рад моему приходу. Отношения его ко мне до самой смерти сохранили тот характер, какой имели вначале. Белинский видел во мне богато одаренную натуру, которой недостает развития и образования. И вот около этого держались его беседы со мною, имевшие для меня значение поучения. Несмотря на сильный по тому времени успех "Современника", в первом году мы понесли от первого года 10 000 убытка (в 1-м году "Современник" имел 2 000 подписчиков); денежные заботы, необходимость много работать--все, так сказать, черновые работы по журналу: чтение рукописей, а также и добывание их, чтение корректур, объяснения с цензорами, восстановление смысла и связи статей после их карандашей лежали на м"е, да я еще писал рецензии и фельетоны,-- все это, а также и последовавшие с февраля 1848 г. цензурные гонения, сопровождавшиеся крайней шаткостью почвы под ногами каждого причастного тогда к литературе - довело мое здоровье до такого расстройства, что Белинский часто говаривал, что я немногим лучше его. Белинский вообще Знал мою тогдашнюю жизнь до мельчайшей точности и строго говорил мне: "Что вы с собой делаете, Некрасов? смотрите! берегитесь, иначе с вами то же будет, что со мною". При этом в его умирающих глазах я уловил однажды выражение, которого я не умею иначе истолковать, как той любовью, о которой упоминается в письме Тургенева, как о потерянной мною. В этом взгляде была еще глубокая скорбь. Впоследствии я узнал от общих друзей, что в близкой моей смерти он был убежден положительно. Припоминая, в тысячу раз передумывая, я прихожу к убеждению, что главная моя вина в том, что я действительно не умер вскоре за ним, но за эту вину я готов выносить не только клеветы г. Антоновича, но и тонкие намеки г. Тургенева, которые он хитро старается скрепить авторитетом Белинского".

ОТРЫВОК ЧЕТВЕРТЫЙ

"Мне попался здесь No 4 "В. Евр.", и я прочел намеки Тургенева и выдержки из писем Белинского. Прямо беру эти выдержки на себя, ибо они для меня не новость, все это, даже в более прямом и резком виде, слышал я от самого Белинского; он был не такой человек, чтобы молчать. Подувшись на меня несколько дней, он сам высказал мне свои неудовольствия и свое сожаление о последовавшем в нем внутреннем разрыве со мной. Последовали объяснения не со мной одним, но и с Панаевым. Не надо думать, чтоб я имел тогда такое влияние на Панаева, какое приобрел впоследствии. Он был десятью годами старше -меня и находился в эту эпоху на верху своей известности. Я его, как и он меня, -- тогда знал мало; он был для меня авторитет; притом, деньги на журналы были его (моих было только 5 т. р. асс., которые незадолго до этого дала мне взаймы на неопределенный срок Наталья Александровна Герцен). Даже контракт с Плетневым был заключен на имя одного Панаева. Значит, в сущности, он один был хозяином дела. Только впоследствии, спустя несколько лет, при перемене контракта с Плетневым, прибавлено было мое имя, чем права мои уравнились с отравками Панаева. Не хочу этим сказать, что Панаев помещал мне сделать желаемое Белинским, но я не мог бы этого сделать помимо него. А мнение Панаева было то же, что и мое, именно, что предоставление Белинскому доли было бы бесплодно для него и опасно для дела, в виду неминуемо близкой смерти Белинского, которая была решена врачами, что не было тайной ни для кого из друзей его: пришлось бы связать себя с будущим, имея дело не с ним, а с его наследниками... Это особенно пугало Панаева".

Суммируя те мотивы, которые приводит Некрасов в цитированных четырех отрывках в объяснение своего образа действий, мы получим следующую сводку:

1. Включение Белинского в число "дольщиков" поставило бы его в "фальшивое" положение, ибо при его материальной обеспеченности он не только не имел бы возможности пополнять кассу убыточного покамест предприятия своими взносами ("долей"), но вынужден был бы брать из этой кассы себе на прожитие.

2. Включение Белинского в число дольщиков в случае неудачи "дела" сделало бы его материально ответственным за могущие произойти убытки; возвращение же ему доли, если бы он даже внес ее, не было бы ничем гарантировано.

3. Включение Белинского, "дышавшего уже на ладан", в дольщики привело бы к тому, что после его смерти, издатели оказались бы юридически связанными с его наследниками, людьми чуждыми литературе, что, во "многих отношениях, было бы для них неудобно и нежелательно.

4. Включение Белинского в число дольщиков представлялось тем более затруднительным, что без него уже имелись целых четыре дольщика, а именно: Панаев, Некрасов, Плетнев и Никитенко.

5. Включение Белинского в дольщики зависело не только от Некрасова, но и в еще большей степени от Панаева, так как "Современник" издавался, главным образом, на деньги Панаева, и контракт с Плетневым, являвшийся единственной юридической базой рассматриваемого начинания, был заключен на имя Панаева, без всякого упоминания имени Некрасова; Панаев же был против включения Белинского в дольщики.

6. Если бы даже было возможно включение Белинского в число дольщиков, но ценою принесения в жертву интересов Некрасова, то Некрасов не чувствовал себя способным на это: слишком тяжело далась ему восьмилетняя борьба с нуждой и бедностью.

7. "Белинский понимал это", и потому, в конце концов, того "внутреннего разрыва" с Некрасовым, о котором он говорит в письме к Тургеневу, не произошло: Некрасов имел основание думать, что Белинский и после описываемого инцидента не перестал относиться к нему с искренним расположением.

Из сформулированных нами семи (пунктов наиболее серьезными представляются первые три. В самом деле, разве не было бы до крайности "фальшивым" положение "дольщика", если он, вместо внесения доли, берет и берет деньги из кассы журнала, который и без того не сводит концы с концами, дав в первый год своего издания десятитысячный убыток?! И естественным является вопрос, как чувствовал бы себя Белинский при его исключительной щепетильности, очутившись в (положении такого горе-дольщика?! А разве не вызывавшее никаких сомнений приближение смерти Белинского, которое привело бы к тому, что права на его долю в "Современнике" перешли бы к его наследникам, не было достаточным мотивом, побуждавшим издателей "Современника" соблюдать в данном вопросе особую осторожность? Ведь если им не могли не быть дороги интересы Белинского, то не менее им были дороги интересы самого дела. А эти последние неминуемо бы пострадали, если бы в числе дольщиков журнала появились лица, чуждые литературе и, по своим личным свойствам, не располагавшие к совместной работе и денежным счетам с ними. Самый же главный, думается нам, и основной мотив, с которым особенно приходилось считаться издателям "Современника", это - сознание, что в материальном отношении доживавший свои последние дни бедняк Белинский не только ничего не выиграл бы со включением его в число дольщиков, не скорее проиграл бы: при убыточности журнала его, несомненно, стала бы преследовать мысль, что он, не внося своей доли в кассу журнала и забирая из нее в долг большие, как увидим ниже, деньги, является бременем для журнала и т. д. и т. п.

Все эти соображения имели бы очень относительное значение, если бы Некрасов не исполнил того, что обещал Белинскому в одном из писем к нему, писанных осенью 1846 г. (см. "Белинский. Письма", т. III, стр. 359), а именно: "мы предложим вам условия {Самое выражение "мы (предложим вам условия" доказывает, что Некрасов, начиная дело, отнюдь не имел в виду, что Белинский будет его "дольщиком", и, не скрывая этого от Белинского, говорил не отделе", а об "условиях.} самые лучшее, какие только в наших средствах" - во-первых, и "работой также вы слишком обременены не будете, ибо мы будем вам помогать по мере сил" - во-вторых. У нас есть документальные доказательства того, что Некрасов на сто, можно сказать, процентов выполнил свое обещание. Это его письмо к В. П. Боткину, а также письма самого Белинского, посвященные этому вопросу.

Уже в феврале 1847 г. Боткин, скорбя о состоянии здоровья Белинского, стал хлопотать о снабжении его средствами для поездки за границу, которая, как надеялся он и другие друзья Белинского, поддержит его быстро падавшие силы. Зная о том, что Некрасов получил от жены Герцена некую сумму на издание "Современника", Боткин, повидимому, уже в начале апреля 1847 г. обратился с письмом к Некрасову, в котором запрашивал его, не сможет ли он часть своего долга Герценам отдать Белинскому, чтобы облегчить для него выезд за границу. Ставя вопрос подобным образом, Боткин, очевидно, уже заручился согласием Герценов на подобно обращение к Некрасову. Находящееся в нашем распоряжении письмо Некрасова к Боткину представляет собой ответ на запрос Боткина.

"11 апреля (пошлется завтра) СПб Сегодня я получил ваше письмо, Василий Петрович, и спешу отвечать на него.

Я почитал это дело, о котором вы меня спрашиваете, давно конченным, - ибо не только слышал этот вопрос от Белинского, но даже читал ваше письмо, в котором вы поручали ему спросить меня: заплачу ли я ему 300 р. сер. из Герцена денег?

Вот что ему я отвечал тогда; "я не могу дать вам больше той суммы, которую я вам обещал, (а обещал я ему от 3-х до 4-х тыс., к тем семи с лишком тысячам, которые он уже мне должен по журналу); что же касается до того, будете ли вы считать ту сумму всю полученною от меня, или 300 р. сер., из нее отнесете на счет Герцена, - делайте, как вам выгоднее".

Если б Герцен поручил мне передать Белинскому не 1000 руб., а все четыре тысячи, которые я Герцену должен, - то и тогда я мог бы сказать, что эти деньги мною Белинскому все заплачены, потому что в прошлом и нынешнем году забрано Белинским у меня 2884 р. 57 к. сер., т. е. десять тысяч девяносто шесть рублей ассигнациями, а между тем заработано им, считая за четыре мес., 2666 г. ассигн., да получено нами от него статей из альманаха по большей мере на 1500 р. асс. - всего 4166 руб. асс.,-- стало быть по сие время он должен мне

пять тысяч девяносто тридцать рублей ассигн. Надеюсь, что после этого расчета мне нечего отвечать на ваш вопрос.

Но положение Белинского заставляет меня войти в подробности, касающиеся лично до него, которые вам, как человеку, принимающему в нем участие, нужно знать. Дело касается того, с чем он поедет за границу и что оставит своему семейству.

Когда он решился ехать за границу, я обещал ему от трех до четырех тысяч; но из этих денег он уже забрал у меня две тысячи пятьсот рублей в последние полтора месяца, и - что еще важнее - я знаю, что этих денег у него уже нет; самое большое, что я могу еще дать ему, это - полторы тысячи (300 р. сер. из них я зачту за Герцена, а остальные приложу к долгу Белинского).

Итак, вот все, что он может иметь здесь. Вы сами эти дела знаете я поверите мне, что дать теперь больше у меня не? никакой возможности: на издание журнала нужно нам, по меньшей мере, 32 т. р. сер.,-- собрали мы по подписке менее ста тыс. асс., и слишком десятую долю из этого сбора забрал у меня один Белинский. Это значительно запутало наши дела, и я должен прибегать ко всевозможным изворотам и ограничениям издержек, чтобы к концу года не пришлось плохо. Положение мое в настоящее время мучительно: с одной стороны, мне тяжело отказывать Белинскому (и я до сей минуты ни разу не отказывал), а с другой стороны на мне лежит очень большая ответственность, - вы это знаете.

Во всяком случае, если будете писать к Герцену, то потрудитесь сказать ему, что 300 р. сер. Белинскому мною заплачены; еще по просьбе Герцена выдал я г-ну Захарьину 60 р. сер. и выдам еще 90 р. сер., - все это составит 450 р. сер., и более в нынешнем году я заплатить Герцену не могу и прошу его уплату остальных денег подождать за мной до следующего года.

До свидания. Сильно вам кланяюсь и от души желаю, чтобы здоровье ваше поправилось и чтоб "Испанские письма" подвинулись. Напишите мне, если будете так добры,-- что вы думаете о положении Белинского, не придумаете ли какой полезной для него меры, - и посоветуйте мне что-нибудь в этом случае. Честью вас уверяю, что я делаю и готов сделать для Белинского все, что могу.

Весь Ваш Н. Некрасов".

Отнюдь не рискуя подвергнуться упреку в недостатке объективности, мы вправе, на основании фактических и цифровых данных этого письма, утверждать, что в последних словах Некрасова нет преувеличения. Несмотря на тяжесть расходов по журналу, он к 12 апреля, т. е. по истечении менее чем трех с половиной месяцев с начала первого года его издания, выплатил Белинскому 10 000 рубл., иначе говоря, свыше десятой части всех денег, собранных с подписчиков, причем из этой суммы около трех пятых было дано им Белинскому заимообразно, повидимому, "в качестве аванса под будущие работы. Кроме того, Некрасов соглашался дать Белинскому на поездку за границу еще 1500 р. Язык мертвых цифр бывает в иных случаях самым выразительным. Можно ли после приведенных цифровых данных говорить об эксплуатации Белинского Некрасовым, об утеснении его как сотрудника?.. Но, - пожалуй скажет скептически настроенный читатель,-- Некрасов ведь заинтересованная сторона, а потому к сообщаемым им данным нельзя относиться с полным доверием. Подобного рода соображения представляются для нас, по самому существу своему, неубедительными: Некрасов был слишком умным и осмотрительным человеком, чтобы рискнуть на передержки в цифрах. Называя определенные цифры, он, несомненно, исходил из определенных документов. Недаром в своем письме к Салтыкову (первый отрывок) он прямо заявляет: "сколько получил Белинский денег за свое участие в "Современнике", на это есть документы". Давать ложные цифры при наличии документов, по которым эти цифры могут быть проверены, это - прямо неумно. Не говоря уже о моральной стороне этого рода поступка, Некрасов никогда не пошел бы на него, как на поступок, прежде всего, для него чреватый в будущем скандальными разоблачениями.

Однако предоставим слово другой, также заинтересованной стороне,-- Белинскому. Мы видели, как больно резнуло Белинского невключение его в число дольщиков журнала. До конца

1847 г. (см., например, его письмо к К. Д. Кавелину от 7 дек.) он не переставал считать себя обиженным, а Некрасова не переставал винить в "неделикатности", но тем не менее врожденное чувство справедливости и в это время вынуждало его признать, что его положение в "Современнике" и в моральном и материальном отношении неизмеримо лучше его положения в "Отеч. Зап.". Не только неизмеримо лучше, но и безотносительно хорошо. В подтверждение приведем нижеследующую тираду из письма Белинского к Боткину от 4 - 8 ноября 1847 г.:

"Сколько я помню, наши московские друзья-враги дали нам свои имена и труды сколько "по желанию работать соединенно в одном журнале, чуждом всяких посторонних влияний, столько и по желанию дать средства к существованию -некоему Белинскому. - Цель их, кажется, достигнута. "Современник" имеет свои недостатки, действительно очень важные, но поправимые и происшедшие от состояния моего здоровья. Едва ли можно обвинить его даже в неумышленно другом направлении, не только в умышленном. И другая цель тоже достигнута. Я был опасен "Современником". Мой альманах, имея он даже большой успех, помог бы мне только временно. Без журнала я не мог существовать. Я почти ничего не сделал нынешний год для "Современника", а мои 8 тысяч давно уже забрал. Поездка за границу, лишившая "Современник" моего участия, на несколько месяцев не лишила меня платы. На будущий год я получаю 12 тысяч,-- кажется, есть разница в моем положении, когда я работал в "Отечественных Записках". Но эта разница не оканчивается одними деньгами: я получаю много больше, а делаю много меньше. Я могу делать, что хочу. Вследствие моего условия с Некрасовым, мой труд больше качественный, нежели количественный, мое участие больше нравственное, нежели деятельное. Я уже говорил тебе, что Дудышкину отданы для разбора сочинения Кантемира, Хемницера, Муравьева. А ведь эти книги - прямо мое дело. Но я могу не делать и того, что прямо относится к роду моей деятельности. Не Некрасов говорит мне, что я должен делать, а я уведомляю Некрасова, что хочу и считаю нужным делать. Подобные условия были бы дороги каждому, а тем более мне, человеку больному, не выходящему из опасного положения, утомленному, измученному, усталому повторять вечно одно и то же. А у Краевского я писал даже об азбуках, песенниках, гадательных книжках, поздравительных стихах швейцаров клубов (право!), о книгах о клопах, наконец о немецких книгах, в которых я не умел перевести даже заглавия, писал об архитектуре, о которой я столько же знаю, сколько об искусстве плести кружева. Он меня сделал не только чернорабочим, водовозною лошадью, но и шарлатаном, который судит о том, в чем не смыслит ни малейшего толку. Итак, то ли мое новое положение, доставленное мне "Современником"? - "Современник" - вся моя надежда; без него я погиб в буквальном, а не в переносном значении этого слова".

Но ведь "Современник" - детище Некрасова. Кому же, в таком случае, принадлежит заслуга, что положение Белинского настолько изменилось к лучшему, как не Некрасову?! Мы далеки от мысли считать последнего высоко нравственным, высоко добродетельным человеком. Стоя "на грани двух эпох", впитав в себя и ряд недостатков, свойственных барам-крепостникам, с которыми он был связан узами крови, узами наследственности, и ряд недостатков, присущих тем из разночинцев, которым удавалось пробить себе дорогу в жизни ценой упорнейшей борьбы за существование, ожесточавшей их характер, сообщавшей ему некоторую долю сухости и черствости, "пройдя - по его собственному выражению - через цензуру всех николаевских годов", Некрасов менее всего может быть рассматриваем, как образец нравственности. Но пора бы отстать от привычки при оценке деятелей общественности ли, литературы ли, на первый план выдвигать нравственный критерий, один из самых шатких и относительных критериев по самому существу своему. Важнее, чем прикрепить к тому или иному деятелю ярлычок с надписью: "высоко добродетельный человек", или "просто добродетельный человек", или "безнравственный человек",-- определить общественную ценность того, что он сделал. И прав был Некрасов, когда в письме к Салтыкову (первый отрывок): он стал на эту именно точку зрения.

"Суть вовсе не в копейках, которые я тебе отделял, - говорит он здесь, - даже не в средствах, при помощи которых я делал известное дело - а в самом деле. Вот если будет доказано, что дело это исполнял я совсем дурно... - тогда я кругом виноват, но только тогда". В данном случае Некрасов имеет в виду журнальное дело. Никогда, разумеется, и никем не будет доказано, что он, организатор и редактор двух лучших русских журналов XIX века, журналов, не только объединявших наиболее одаренных представителей нашей художественной литературы, но и неустанно проповедывавших устами таких подлинных "властителей дум"

своего времени, как Белинский, Чернышевский, Добролюбов, отчасти Михайловский и Елисеев, идеи политического и социального раскрепощения широких масс, дурно выполнил всю миссию, как журналист. Но у Некрасова было и другое дело - поэтическое творчество. И его он выполнял настолько успешно, что в течение четверти века был самым популярным поэтом своего времени, поэтом-демократом, поэтом-общественником, звавшим к борьбе во имя свободы, во имя социальной справедливости. Было бы, конечно, отрадно, если бы между словом и делом Некрасова не было противоречия. Но, увы! оно было, его не могло не быть, так как его неминуемо должны были создать совокупные влияния среды и эпохи. Некрасов был таким, каким он был, т. е. человеком, подверженным многим слабостям, человеком, преданным "минутным благам" жизни, неспособным на жертву в обычном смысле этого слова, идущим к цели "колеблющимся шагом". Но то "темное пятно" на его "памяти, о котором говорили и Венгеров, и Иванов-Разумник, и Розанов, и многие другие ("жестокое, своекорыстные отношения к Белинскому"), на основании приведенных выше документов и высказанных в {пояснение их соображений должно быть с его памяти снято. Даже если стоять на той точке зрения, что Некрасов в данном инциденте не проявил достаточно чуткого и внимательного отношения к Белинскому, то и в таком случае нельзя будет не согласиться с нижеследующими словами С. Ашевского: "Главное, чем Некрасов с лихвой загладил свою вину перед Белинским, это было поддержание традиций великого критика в "Современнике" и благоговейное отношение к его личности и к его заветам"...

IV

Хотя в годы "мрачного семилетия" (1848--1855 г.), когда самое имя Белинского было изгнано из печати, "Современник", (под гнетом все возрастающей реакции, не мог не потускнеть и обезличиться, все же он оставался единственным журналом, который, пусть с помощью обиняков и иносказаний, напоминал время от времени читателям некоторые из мыслей Белинского. Когда же времена изменились к лучшему и с воцарением Александра II, вынужденного неотвратимой логикой истории "пойти на уступки либеральному общественному мнению, русская печать получила возможность высказываться несколько свободнее, то "Современник" одну из основных своих задач полагал в том, чтобы восстановить в общественном дознании заветы Белинского. В его редакции одно из первых мест занимает Чернышевский, подлинный продолжатель дела Белинского, не устававший твердить о великом значении своего предшественника в истории русской литературы и общественности. Однако кто, как не Некрасов, пригласил Чернышевского в "Современник" и дал ему возможность стать главным вдохновителем этого журнала? Возможно, что, действуя таким образом, Некрасов исходил из убеждения, что Чернышевский, поскольку он больше чем кто-либо другой из современных критиков способен продолжать дело Белинского, имеет поэтому и преимущественные права на руководящую роль в журнале, успех которого в значительной степени был создан Белинским.

Но не только через посредство Чернышевского, а затем и Добролюбова. Некрасов работал над восстановлением заветов Белинского в русской литературе и журналистике. Он предпринимал в данном направлении немало и вполне самостоятельных шагов. Расскажем об одном из них. Когда в 1856 г. пользовавшийся репутацией либерала цензор В. Н. Бекетов вымарал в одной из статей апрельского номера "Современника" несколько страниц, посвященных Белинскому, то Некрасов обратился к нему со следующим, в несвойственных ему патетических тонах написанным, письмом (приводим в извлечениях, впервые напечатано в "Современнике" 1913 г., No 1):

"Почтеннейший Владимир Николаевич! Бога ради восстановите вымаранные Вами страницы о Белинском. Это слишком печальное действие, и я надеялся и надеюсь от врожденного вам чувства справедливости, что вы не будете гонителем беззащитного и долгопоруганного покойника - хотя в том случае, где вам прямо не предписывает ваша обязанность. Нет и не было прямого распоряжения, чтобы о Белинском не пропускать доброго слова, равно не было велено выругать его. Отчего же ругать его могли и ругали, а похвалить считается опасным?.. Самое худшее, что может случиться, что после напечатания этих страниц не велят хвалить Белинского. Ну, тогда и перестанем, а теперь умоляю вас поступить с прежней снисходительностью...

Будьте друг, лучше запретите мою "Княгиню", запретите десять моих стихотворений кряду, даю честное слово: жаловаться не стану даже про себя.

Отец родной, пробежите эти страницы и решите покойно: могут ли они кого-нибудь раздражить и вызвать бурю? Клянусь, нет. В них только повторено то, что уже вы пропустили прежде в разбивку в нескольких статьях. Но, бога ради, не вносите этого вопроса в Комитет, - это пойдет тогда в долгий ящик, и притом будет похоже на вопрос: а не высечь ли еще такого-то, на который чаще всего говорится: высечь- Зачем сечь тех, которых можно не сечь. А если им суждено быть высеченными, то пусть это случится гораздо позже и не по "нашей вине" {Дело это разрешилось следующим компромиссным путем: в VI кн. "Современника" сохранились похвалы Белинского, но самое имя Белинского при этом названо не было; вместо него были употреблены такие выражения, как "человек, который был органом критики гоголевского периода" или ("автор статей о Пушкине" и т. д. Полностью имя Белинского стало употребляться лишь с VII кн. "Современника" в продолжении той же статьи Чернышевского.)...

И не только в качестве редактора и журналиста Некрасов боролся за то, чтобы воскресить память о "беззащитном и долго поруганном" покойнике. Эту же цель он ставил перед собою как поэт. Не будет преувеличением сказать, что ни о ком, за исключением быть может матери, Некрасов не говорил в своих стихах столь часто и в таком проникновенном тоне, как о Белинском.

Первые упоминания о нем, правда, завуалированные желанием обмануть цензурных аргусов, находим в "Деловом разговоре" 1851 г. Два года позднее Некрасов пишет стихотворение "Памяти приятеля", в котором выражает свою скорбь о том, что Белинский умер "несчастлив и незнаем" и "даже могила его затеряна" {Могила Белинского действительно была затеряна и долгое [время] местонахождение ее не было известно. Нашел ее П. А. Ефремов (см. "Доклады и отчеты Русск. Библиолог. О-ва" 1908 г., вып. I, стр. 1--2.}. Однако напечатать это стихотворение в николаевское время нечего было и думать. Не потому, конечно, чтобы оно по содержанию своему было "предосудительно", а единственно потому, что всякий сколько-нибудь развитой читатель догадался бы, что в нем речь идет о Белинском, имя которого, повторяем, было запретным. Как только Николай I умер, Некрасов поспешил напечатать это стихотворение в "Современнике" {Николай I, по официальным данным, умер 18 февр. 1855 г., а стихотворение "Памяти приятеля" появилось в No 3 "Современника" за тот же год, дата цензурного разрешения этого номера - 28 февраля.}.

В 1855--56 гг., под влиянием того, что появилась надежда на обновление русской жизни в духе тех же принципов и идей, которые исповедывал Белинский, быть может, под впечатлением прогрессирующего сближения с другим "великим разночинцем" русской литературы - Чернышевским, печатавшим как раз в это время, свои "Очерки гоголевского периода", этот восторженный дифирамб Белинскому, - Некрасов, как поэт, уделяет последнему особое внимание. К 1855 г. относится его поэма "Белинский", подробно, но местами не слишком художественно рисуя биографию и журнальную деятельность великого критика. Характерно, что при жизни поэта, а прожил он после ее написания свыше 20 лет, ее не оказалось возможным напечатать в России {Впервые напечатал ее за границей Герцен в No 5 "Полярной Звезды" 1859 г. В России лишь в 1881 г. П. О. Морозов опубликовал ее полностью в No 2 исторического журнала "Древняя и новая Россия". Но и после того эта поэма не вошла ли в одно "из дореволюционных изданий стихотворений Некрасова.}. Это объясняется, конечно, тем, что в поэме настойчиво подчеркивается революционный смысл литературной проповеди Белинского. Заметим, что заключительные строки проникнуты тем же пессимизмом, что и конец стихотворения "Памяти приятеля". Вот они:

Он умер... Помянуть печатно
Слабеет память с каждым днем
Его не смели... Так о нем
И скоро сгинет невозвратно.

В следующем 1856 г. Некрасов пишет поэму "Несчастные". Мы глубоко убеждены, что в лице героя ее, политического каторжанина Крота, и в тюрьме проповедывавшего свои идеи, поэт имел в виду опять-таки изобразить Белинского. Но ведь Белинский на каторге не был и в

тюрьме не сидел? Совершенно верно, однако, только потому, что от этой участи его избавила смерть. Если бы злая чахотка не скосила Белинского в феврале 1848 г., крамольному автору знаменитого "Письма к Гоголю", само собой разумеется, не миновать бы тюрьмы и каторги {Известно, что Достоевский был сослан на каторгу главным образом, за чтение "Письма к Гоголю". Можно поэтому представить, что ожидало самого автора этого письма.}. Таким образом, Некрасову легко было представить себе Белинского в образе возможного узника и каторжанина. Более того, поскольку русская жизнь в николаевское время с точки зрения Белинского, Некрасова, да и не только их, но всех передовых людей той эпохи, мало чем отличалась от тюрьмы, поэт не слишком даже погрешал против действительности, изображая Белинского в тюрьме. Одним словом, мы отстаиваем здесь тот взгляд, что поэма "Несчастные" принадлежала к числу произведений если не символических, то, во (всяком случае, таких, в основу которых положена аллегория. Взглянем с этой точки зрения на ее содержание, не упуская из виду, что известие о цензурной буре, вызванной изданием стихотворений Некрасова в 1856 г. в такой мере повлияло на настроение поэта, с увлечением работавшего над "Несчастными", что он оборвал эту работу и что, таким образом, поэма, в том виде, в каком мы ее знаем, представляет только незаконченный отрывок большого произведения. В первой части "Несчастных" Некрасов излагает биографию героя, от имени которого ведется рассказ, причем описание детства, характеристики матери и отца, изображение Петербурга {В XI книжке "Современник" 1856 г. Чернышевский, замещавший в редакции уехавшего за границу Некрасова, перепечатал из его "Стихотворений" "Поэта и гражданина". Это стихотворение обратило внимание III отделения как на самый сборник, так и на его автора. Цензурная буря приняла при этом такие размеры, что (Некрасов даже опасался ареста по возвращении в Россию.) и петербургских мытарств сплошь автобиографичны. Только в самом конце первой части поэт рвет автобиографическую нить и заставляет "своего героя убить любимую им женщину и попасть в каторжную тюрьму. Во второй части поэмы, герой, повторяем, ничем не отличающийся от Некрасова, если не считать совершенного им преступления, встречается с Кротом. П. Ф. Якубович (см. его книгу о Некрасове) рядом убедительных сопоставлений доказал, что и наружность Крота, и духовный его облик, и содержание тех речей, с которыми он обращается к своим сотоварищам по заключению, и, наконец, его последние минуты изображены Некрасовым так, что их можно отнести только к одному реальному прототипу - именно Белинскому.

Итак, Крот - это Белинский.

Каково же влияние Крота на героя "Несчастных" и на других узников? Оно в общих чертах таково же, как и влияние Белинского на своих современников: они восприняли его идеи и видят теперь смысл своей жизни в работе на пользу родины и народа (см. известную "Песню преступников"). Крот живет, пропагандирует и умирает в тюрьме. И Белинский жил, проповедывал и умер в той обширной тюрьме, имя которой "Николаевская Россия". Крот не дождался того "великого мига", когда двери тюрьмы распахнулись перед ее обитателями, как и Белинский не дождался перемены царствования, которая одно время воспринималась Некрасовым, как начало освободительной эры в русской жизни. Ученики и сотоварищи Крота, выйдя из тюрьмы, Прежде всего посетили могилу Крота. Ученик и сотоварищ Белинского Некрасов в своих прежних стихах (см. выше) напоминал о могиле Белинского, скорбя о том, что она "затеряна", что "память благодарная друзей дороги к ней не проторила", а новую поэму начал призывом идти на поклонение этой и подобным могилам:

А станешь стариться, нарви
Цветов, растущих на могилах,
И ими сердце обнови...

Наше толкование поэмы "Несчастные" идет в разрез со взглядами некоторых других исследователей, склонных, опираясь на известный рассказ Достоевского об его беседе с Некрасовым по поводу "Несчастных" {Напоминаем, что, по словам Достоевского, Некрасов сказал ему о своей поэме: "Я тут об вас думал, когда писал это; это об вас написано" {"Дневник писателя", декабрь, 1877 г.}.}, думать, что Некрасов в лице Крота изобразил Достоевского. К. И. Чуковский в своих примечаниях к стихотворениям Некрасова (изд. 1927 г.) приводит ряд веских соображений, опровергающих это мнение: "Если бы Некрасов относился с таким пиететом к Достоевскому, он не сочинил бы о нем эпиграммы, не отвергал бы его повестей,

написанных по возвращении из Сибири, не высмеивал бы его в "Свистке", не печатал, бы о нем издевательских статей Щедрина и, наконец, не потешался бы над ним в своей повести о "Каменном сердце". Сочиняя "Несчастных", он мог думать о ссыльном авторе "Бедных людей", но молитвенно изображать его в виде полусвятого Крота он не мог потому, что в тех литературных кругах, к которым он принадлежал по своим убеждениям и вкусам, к Достоевскому было принято относиться враждебно".

Поскольку версия о Кроте-Достоевском отвергается, толкование поэмы как попытки, а лице Крота изобразить Белинского остается единственно возможным. Кстати, когда Некрасов задумал в 1857 году издать сборник в память Белинского, он намеревался включить в этот сборник именно поэму "Несчастные" (см. его письмо к Тургеневу от 10 сент. 1857 г.). Поэма о Белинском, хотя бы и выведенном под вымышленным именем, была особенно уместна в сборнике, посвященном его памяти и изданном в целях оказания материальной помощи его семье.

Через два с лишком года в первой главе большого стихотворения "О погоде" опять мелькает образ Белинского, неразрывно (связанный с другим, не дававшим покоя Некрасову образом, - образом могилы.

Наконец, в 1867 г. на страницах "Медвежьей охоты" Некрасов почтил Белинского стихами, которые и по своему общественному смыслу и по художественности формы принадлежали к подлинным шедеврам его творчества. Они общеизвестны, и приводить их, разумеется, нет надобности.

Число ссылок на произведения Некрасова, содержащие в себе прямые или же косвенные упоминания о Белинском, можно было бы значительно увеличить. Однако и приведенных ссылок достаточно для того, чтобы судить, как высоко ставил поэт Белинского и какое исключительное внимание уделил его памяти. Мысль о великом народолюбце Белинском нередко сливалась в его сознании с мыслью о самом народе, о мужике, "с мыслью о том "желанном времячке", когда этот мужик:

.... не Блюхера
И не Милорда глупого,--
Белинского и Гоголя
С базара понесет.